И. КУБИКОВ

КОММЕНТАРИЙ К ПОЭМЕ НЕКРАСОВА „КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО“



 МОСКВА 

КОММЕНТАРИИ К ПАМЯТНИКАМ ХУДОЖЕСТВ. ЛИТЕРАТУРЫ
под редакцией Н. Л. БРОДСКОГО и Н. П. СИДОРОВА

И. Н. КУБИКОВ Вып. V.

КОММЕНТАРИЙ
К ПОЭМЕ НЕКРАСОВА
„КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО"

КОООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА МИР 1933

Редактор Н. Л. Бродский. Технический редактор А. Б. Дерман.

Сдано в набор 3/V 1933 г. Подписано к печати 23/VII 1933 г. Формат бум. 72×110—1/32. Колич. знаков в печ. листе 60.000.

Колич. печ. лист. 4¼. Тираж 5000 экз. Зак. № 2133. Мособлит № 1768.

г. Калинин. Гостипография им. Карла Маркса. Мособлполиграфа.

Отдел I.

История появления поэмы.

Пролог поэмы первоначально появился в 1866 г., в № 1 „Современника". Потом этот сказочный пролог, где крестьяне входят в соглашение с пойманной ими чудесной птичкой-пичугой, был перепечатан вместе с главами первой, второй и третьей в „Отечественных Записках" 1869 г., кн. 2, а глава четвертая и пятая—в том же журнале, 1870 г., кн. 2. Далее—часть поэмы под заголовком „Последыш" напечатана была в „Отечественных Записках" в 1873 г. и часть „Крестьянка"—в „Отеч. Зап.", 1874 г., кн. 1.

Последняя часть поэмы—„Пир на весь мир", написанная в 1876 г., при жизни Некрасова не увидела света. Цензурные гонения следовали по пятам за великим поэтом. „Под угрозой ареста книжки журнала „Пир на весь мир" пришлось исключить из XI № „Отечествен. Записок" за 1876 г. Не удалось провести „Пир" и в следующей книжке, и в январском номере за 1877 г., несмотря на ходатайство Достоевского и письменную просьбу умирающего Некрасова, обращенную непосредственно к начальнику главного управления по делам печати, В. В. Григорьеву. Не достигли цели и те переделки, изменения и дополнения, на которые пошел Некрасов, чтобы облегчить „Пиру" прохождение через цензурные фильтры" (В. Евгеньев-Максимов—„Некра-

сов как человек, журналист и поэт", Гос. Изд. 1923 г., стр. 242).

Эта последняя часть поэмы появилась в урезанном виде уже после смерти Некрасова в „Отечественных Записках", 1881 г., кн. 2, стр. 333—376. При чем редакция журнала снабдила эту часть поэмы довольно загадочным примечанием: „Настоящая глава следует за главою „Последыш", помещенною в „Отеч. Записк." 1873 г. Она была написана Некрасовым осенью 1876 г., но по обстоятельствам, до сих пор не была напечатана. Точками при напечатании настоящей главы означены места, выпущенные самим автором". Из этого примечания, во-первых, широкому читателю оставалось неизвестным, по каким обстоятельствам эта часть поэмы пролежала под спудом пять лет, а во-вторых—получалось впечатление, как будто Некрасов по собственному желанию наставил точек, искажающих временами смысл последующих за этими точками страниц. Но так или иначе этот текст четвертой части, данный в „Отечеств. Зап.", 1881 г., кн. 2, со всеми невразумительными точками, пропусками, а также идеологическими искажениями, перешел во все издания поэмы до революции 1917 г.

В отдельном издании пролог и первая часть поэмы появились еще при жизни Некрасова (Сочинения, изд. 1873 г., т. V). После смерти поэта, в 1879 г. вышло четырехтомное издание сочинений Некрасова под редакцией и с примечаниями Пономарева. В третьем томе этого издания четвертой части поэмы еще не могло появиться, ибо, как мы уже говорили выше, она была помещена в „Отечеств. Зап." только в 1881 г. Из четвертой части в этом издании 1879 г. помещена лишь „Песня Гришина", которая в более поздних изданиях печатается под заголовком „Русь". Это же стихотворение „Русь" под именем „Песни Гришина" дано и в издании 1880 г.

Стих. „Русь“ в изд. 1879 и 1880 г. начинается прямо словами:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка Русь!

В изд. 1881 и 82 г. имеется такое разночтение:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка Русь!

В советских изданиях мы имеем первую из указанных редакций.

Когда последняя часть поэмы, хотя и с купюрами, появилась в „Отеч. Зап.“ 1881 г., то в стих. „Русь“ оказались такие начальные строки:

Битву кровавую
С сильной державою
Царь замышлял.
Хватит ли силушки?
Хватит ли золота?
Думал, гадал.

Эти строки потом вошли в однотомное издание 1881 г. и 1882 г. и во все последующие двухтомные издания (1886, 1890, 1895 и т. д.) до самой революции 1917 г., хотя в приложенном факсимиле рукописи Некрасова эти строки отсутствовали. В первом пореволюционном издании 1920 г. эти строки устранены. Но по совершенно непонятной причине они оказались в берлинском издании Гржебина 1921 г., хотя это издание и вышло под ред. того же К. Чуковского. Во всех остальных изданиях это вступление к стих. „Русь“ выброшено.

В бумагах поэта нашелся листок, исписанный его рукой—один из планов дальнейшего развития поэмы.

Об этом впервые сделал сообщение С. Пономарев в своих примечаниях к четырехтомному изданию 1879 г. (перепечатано в книге Чешихина-Ветринского—„Некрасов“, стр. 286). Здесь имелось в виду прибытие крестьян в Петербург, где они должны были искать доступа

К вельможному боярину,
Министру государеву.

Далее—„встреча с царской охотой и пребывание в облаве“. Затем—„катастрофа на железной дороге, которой свидетелями были странники, или—голова на рельсах“.

Найден был также план еще одной части под заглавием „Смертушка“. „Действие происходит на Шексне в самый разгар сибирской язвы. По бечевнику бродят полуживые лошади, тут же валяются мертвые. По реке плывут лошадиные трупы. Ночь. По берегам местами разложены костры, у которых видны фигуры судорабочих. Слышится песня.“

На правом берегу поют:

Жена к реке,
А муж за ней.
„Куда идешь?“
—Портки стирать!
„Портки стирать?
А где ж они?
Утопишься—
А детки-то?“

На левом берегу поют:

В руке топор,
В другой вожжа.
„Куда идешь?
—Тебе на что?
Жена глядит
И в ноженьки—
„Голубчик муж,
Не вешайся!“

Далее в рукописи идет следующая заметка Некрасова:

„Это песня из новой главы „Кому на Руси жить хорошо“, которую я собираюсь писать. Действующие лица—семь мужиков, сторож, ветеринарный врач, в тексте офицер путей сообщения, посланный своим начальством для дознания о сибирской язве, и, наконец, исправник. После сцены сибирской язвы, под утро, среди этой обстановки—вопрос крестьян к исправнику, рассказ его, которым я покончиваю с мужиком, который утверждал, что счастлив чиновник“.

К предполагаемой главе, которая называется „Смертушка“ имеется и другой набросок, где говорится о бурлаках (об этом—в комментариях к 4-ой части поэмы).

На другой день после похорон поэта, в декабре 1877 г. А. Суворин—тогда еще либеральный журналист—писал в частности о Некрасове следующее: „Большие надежды возлагал он на свою поэму „Кому на Руси жить хорошо“. Уже больной, он раз говорил с воодушевлением о том, что можно было бы сделать, „если бы еще года три-четыре жизни. Это такая вещь, которая только в целом может иметь свое значение. И чем дальше пишешь, тем яснее представляешь себе дальнейший ход поэмы, новые характеры, новые картины. Начиная, я не видел ясно, где ей конец, но теперь у меня все сложилось, и я чувствую, что поэма все выигрывала бы и выигрывала. Боюсь, что не проживу. Плох стал“. („Новое Время“, 1877 г., № 662. Перепечатано в сборн. Чешихина-Ветринского „Некрасов“, изд. 1911 г., стр. 171—180).

В 1908 г. в газ. „Русское Слово“ (1 февр.) появилась статья А. Измайлова „Просыпанный бисер“, где приводятся тексты из четвертой части, не вошедшие в сочинения Некрасова. Тексты эти даны были по рукописи, хранившейся у Фидлера. Здесь прежде всего впервые опубликована „Веселая“ („Кушай тюрю, Яша“), вместо которой во всех изданиях до самой революции 1917 г. стояли одни точки. Затем—„Барщинная“ („Беден, нечесан Калинушка“), „Солдатская“ („Тошен свет“), диалог Клима и солдата и варианты из главы „Доброе время—добрые песни“.

Но издательство фирмы А. Суворина, враждебно настроенное к идеям революции, смотрело на издание Некрасова лишь как на доходную статью. Оно не воспользовалось опубликованными стихами и продолжало попрежнему печатать собрание сочинений великого поэта в том же искалеченном и к тому же технически небрежном виде.

В 1920 г. появилось первое пореволюционное издание стихов и поэм Н. А. Некрасова под редакцией К. Чуковского. Несомненный знаток некрасовских текстов, сличавший их по различным рукописям, К. Чуковский не только внес в четвертую часть поэмы все опубликованное А. Измайловым в 1908 г., но и проверил этот материал по подлинникам. Об этом К. Чуковский в своих примечаниях говорит следующее: „Сравнивая рукопись, принадлежавшую А. Кони, с измайловским текстом, мы убедились, что и этот текст был кое-где искажен в угоду цензурному ведомству. Так, в возгласе старообрядца Кропильникова, у Измайлова не было строк:

Правды в судилище, свету в нощи,
В мире добра—не ищи!

Точно также отсутствовало у Измайлова мрачное предсказание по поводу Гриши:

Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного защитника,
Чахотку и Сибирь.

В „Солдатской песне“ у Измайлова не было строк о георгиевском кресте. Там было гораздо „цензурнее“:

Ну-т-ка, *служивенький*, по миру, по миру...

Точно также в „Веселой“ стихи о царе и барине были заменены таким образом:

В рекруты мальчишек,
В дворню дочерей!

Все эти строки, где сказались уступки цензуре, мы заменили другими строками, свободными от цензурной опеки“ (К. Чуковский, примеч. к 6-му изд., стр. 586).

В 1921 г. вышли избранные произведения Некрасова в изд. Гржебина под редакцией того же Чуковского.

Но в оба эти издания поэм Некрасова К. Чуковский внес новое и весьма спорное распределение частей. В старых дореволюционных изданиях поэма печаталась в таком виде: Пролог. Часть первая (главы I—V), из второй части—„Последыш“, из третьей части—„Крестьянка“ (Пролог и главы I—VIII) и из четвертой части—„Пир на весь мир“. По некоторым основаниям К. Чуковский переставил порядок частей и в изданиях 1920 и 21 года дал следующий ход поэме: 1) Пролог. 2) Часть первая из пяти глав. 3) Последыш—из второй части. Глава I. 4) Глава вторая. Пир на весь мир и 5) Крестьянка—из третьей части.

Против этого отнесения части „Крестьянка“ на самый конец сделал в 1922 г. серьезные возражения П. Н. Сакулин. В своей книжке о Некрасове он писал следующее:

„Конечно, К. И. Чуковский имел веские основания помещать „Пир“ вслед за „Последышем“. Но в целом предлагаемый им порядок все же остается неудовлетворительным. Уже a priori рождаются сомнения, чтобы после торжественных и бодрых песен Гриши, после „поминок по крепям“, поэт нашел нужным снова возвращаться к крепостному праву, о чем преимущественно говорится в „Крестьянке“ (вспомним фигуру Савелия, богатыря святорусского и его героическую Корежину). Кроме того и хронология глав плохо согласуется с установленным порядком: „Крестьянка“ закончена в августе 1873 г., а „Пир“—в октябре 1876 г. Можно разумеется предполагать, что дальнейшие главы писались ранее предшествующих, но в таком предположении нет особенного смысла.

Думаю, что если разом принять во внимание свидетельство автора, хронологию написания и внутреннюю связь частей, то поэму Некрасова следует печатать и читать в другом порядке, а именно: „Крестьянку“ сделать второй частью, а „Последыш“ с „Пиром“—третьей и

четвертой". (П. Н. Сакулин. Некрасов. Изд. 1922 г., стр. 50—51). И далее П. Н. Сакулин подробно обосновывает свой довод, ведущий к тому, что „Крестьянка" должна итти за I частью, непосредственно за главой „Помещик".

Все эти соображения были приняты К. Чуковским при редактировании им издания 1927 г.

Это издание К. Чуковский сам считает „первым подлинно раскрепощенным изданием Некрасова", где стихи поэта „окончательно освобождены от увечий, нанесенных им совместными усилиями царской цензуры и реакционных издателей" (предисловие к 6-му изд., стр. 6). По отношению к поэме „Кому на Руси" в издании 1927 г. и последующих за ним изданиях 1928 г. и других, также внесены некоторые существенные исправления. В издании 1920 и 21 г., в главе IV—„Доброе время—добрые песни"—вставное стихотворение „Доля народа, счастье его, свет и свобода прежде всего" два раза прерывается словами: „Славься, народу давший свободу!" В 1925 г. окончательно выяснилось, что эти строки, прославляющие Александра II, написаны Некрасовым исключительно для того, чтобы задобрить цензуру. На уступку эту Некрасов, по словам его сестры, пошел „со скрежетом зубов—лишь бы последнее дорогое ему детище увидело свет" (Письмо А. Буткевич к Салтыкову. „Письма" Салтыкова, изд. 1925 г., приложение, стр. 21). В письме к Н. Михайловскому Салтыков по этому поводу писал: „Многоуважаемый Николай Константинович. Ни о каких особенных стихах публике передавать не приходится (стихи, прибавленные (sic) Некрасовым и о которых идет речь, суть: „Славься, народу давший свободу"), потому что это было бы в цензурном смысле не совсем безопасно. А не мешало бы написать нечто о том, что вот пьеса, которая была написана еще в 1876 г., год при жизни автора маялась и после смерти три года, и только теперь появилась, да и то с выпуска-

ми и с прибавками, сделанным покойным на одре смерти, чтобы не пропал его труд" (М. Салтыков-Щедрин. Письма, Гос. Изд., 1925 г., стр. 201).

Затем в издании 1927 г. и последующих стихотворение „Средь мира дольного" (в части „Пир на весь мир") дается в другой редакции. В прежней редакции, которая обычно давалась во всех прежних изданиях— до издания 1920 г. включительно—это стихотворение принимало расплывчато-гуманитарный характер. По целому ряду данных можно определенно сказать, что Некрасов часто менял редакцию того или иного произведения, подчиняясь лишь внешней необходимости. В изд. 1927 г. К. Чуковский из третьего приложения (1920 г.—стр. 552) переносит в основной текст революционно звучащую редакцию, которая отличается от текста, опубликованного в 1908 г. А. Измайловым в последних шести строках.

Издание 1927 г. и последующие вышли с обширными примечаниями К. Чуковского к полному собранию стихотворений Некрасова. Здесь дано много ценного для понимания ряда произведений великого поэта, хотя все же временами отдельные примечания были либо недостаточны, либо спорны.

В 1928 г. поэма „Кому на Руси" вышла отдельным изданием с примечаниями И. Кубикова. Редакция издания 1928 г. является перепечаткой редакции К. Чуковского. Примечания И. Кубикова касаются главным образом идеологической стороны поэмы и в этом отношении вносят некоторые частичные дополнения и поправки в толкования К. Чуковского.

Наконец, Гос. изд. 1931 г. (шестое) отличается от прежних исправлением и существенной переработкой многих примечаний к поэме Некрасова.

Отдел II.

Комментарии к поэме.

Первая часть.

Пролог.

В каком году—расчитывай,
В какой земле—угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков:
Семь временно-обязанных
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень—
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова,
Неурожайка тож.

„Временно-обязанные" крестьяне—это вышедшие по положению 19 февраля 1861 г. из крепостной зависимости, но еще не приобревшие полной юридической независимости от помещика. После манифеста об освобождении должны были быть введены уставные грамоты „с указанием количества земли, состоявшей в пользовании крестьян, тех изменений, которые должны быть произведены в их землепользовании на основании местного положения, и точного обозначения оброка и барщины, следующих с крестьян по этому положению... Уставные грамоты должны быть введены к 19 февраля 1863 г. и ими определяются отношения между помещиками и их временно-обязанными крестьянами. С тех пор, как крестьяне приступят к выкупу своего надела и им будет назначена выкупная ссуда, они переходят в разряд крестьян-собственников." (В. Семевский, „Крестьяне", Словарь Граната, т. 25, стр. 555).

Некрасов приступил к созданию поэмы „Кому на Руси“ в 1865 г., т. е. уже после 19 февраля 1863 г., когда кончился для крестьян двухлетний срок временных обязательств. Но „временно-обязанными“, в широком смысле этого слова, крестьяне оставались и после 1863 г. „В течение первых 9 лет крестьяне обязаны были держать в своем пользовании отведенную им мирскую землю за установленные повинности, а потому и не могли выйти из общества, так как условием для увольнения был отказ от надела. По истечении 9 лет как временная отлучка, так и увольнение из общества были поставлены в зависимость от исправности крестьян во взносе повинностей или выкупных платежей. Для увольнения из общества в течение первых 9 лет требовалось еще согласие помещика“ (В. Семевский, там же, стр. 557).

Название уезда, волости и деревень явно говорит о направлении поэтики Некрасова: с помощью этого перечисления поэт стремится вскрыть перед читателем обездоленность русского крестьянства и после падения крепостного права. Достаточно припомнить написанную в это же время поэму „Мороз красный нос“ (1864 г.) или окончание стихотворения „Балет“ (1866 г.), чтобы видеть, что Некрасов совсем не был склонен к ликованию.

„Народ освобожден, но счастлив ли народ?..“—вопрошает поэт в „Элегии“, написанной в 1874 г.

По замечанию П. Н. Сакулина, соответственно стилю поэмы, Некрасов и заставляет странников, как это делают сказители былин, от слова и до слова повторять определенные пассажи, особенно формулу просьбы, превращая их в своего рода loci communes (общие места). Получается ясная расчлененность частей (П. Н. Сакулин. Некрасов. Изд. 1928 г., стр. 63).

Эти повторы и дают возможность Некрасову еще два раза (в главе „Поп“ и в главе „Помещик“) окончательно зафиксировать внимание читателя на полной политического и социального смысла поэтике названий обездо-

ленных крестьянских деревень. Правительство Александра II, как и всякая царская власть, оставалось, по выражению В. Ленина, „верным защитником классов угнетателей“.

В своей статье, посвященной 40-летию освобождения крестьян, В. И. Ленин писал: „Насквозь лицемерна и лжива та оценка „великой“ реформы, которая стала у нас ходячей: „освобождение крестьян с землей при помощи государственного выкупа“. А на самом деле это было освобождение крестьян от земли, потому что от тех наделов, которыми в течение веков владели крестьяне, были сделаны громадные отрезки, а сотни тысяч крестьян были совсем обезземелены, — посажены на четвертной или нищенский надел. На самом деле, крестьяне были ограблены вдвойне: мало того, что у них отняли землю, их заставили платить „выкуп“ за оставленную им и всегда бывшую в их владении землю, и притом выкупная цена земли была назначена гораздо выше действительной цены. „Освобожденный“ от барщины крестьянин вышел из рук реформатора таким забитым, обобранным, приниженным, привязанным к своему наделу, что ему ничего не оставалось, как „добровольно“ итти на барщину“ (В. Ленин. Соч., т. IV, изд. 2-е, стр. 100-101).

Пока они гуторили,
Вилась, кружилась пеночка
Над ними: все прослушала
И села у костра:
Чивикнула, подпрыгнула
И человечьим голосом
Пахому говорит:
„Пусти на волю птенчика:
За птенчика за малого
Я выкуп дам большой“.

Этот сказочный характер пролога несколько напоминает „Сказку о рыбаке и рыбке“ Пушкина, где рыбка

также отпускается за хороший выкуп. Но у Некрасова этот сказочный пролог носит нарочито незамысловатый характер, ибо он подчинен задаче чисто реалистического порядка: показать помещичье-крестьянскую Россию пореформенной эпохи.

Говоря о величии замысла и сложности композиции поэмы П. Н. Сакулин замечает: „В основе своей творческая идея поэмы — глубоко народна: она сродни, например, идее сказки о правде и кривде, где спорщики также странствуют и опрашивают встречных“ (П. Н. Сакулин. Некрасов. Изд. 1928 г., стр. 62).

Сошлися и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

Повествовательные мотивы „Пролога“ имеют много общего с мотивами великорусских сказок. Горячий спор семи мужиков о том, „кому живется весело, вольготно на Руси“ — напоминает спор двух мужиков в сказке „Правда и Кривда“ (Афанасьев. Народн. русск. сказки. М. 1859 — 63 г., вып. № 66).

„Раскалякались промеж себя двое нашей братии мужиков, бяднеющие, пребяднеющие. Адин-ат жил коекак, калатился всеми неправдами; гаразд был на абманы и приворнуть ево было дело, а другой-ят шол по правде, кабы, знашь, трудами век пражить. Вот эвтим делам-та они и заспорили. Адин-ат гаварит: лутча жить кривдай, а другой-ят гаварит: кривдай век пражить не сможешь: лутча жить как ни есть ды правдой. Вот спорили ани, спорили, нихто, слыш, не переспорил. Вот и пашли ани, братец мой, на дарогу; пашли на дарогу и решили спросить до трех раз, хто им на встречу нападет и што на эвто скажит“.—Следует рассказ о трех встречах и трех ответах: первый дает — „барской мужичок“, второй—купец, третий—приказчик: все сходятся в том, что жить кривдой вольготнее.

Сказочный фольклор снабдил Некрасова и образом говорящей птицы, оказывающей содействие осуществлению плана спорщиков (см. у Афанасьева, № 96: три говорящих птички дают совет, или № 40: птичка-невеличка является в роли Пушкинской „Золотой рыбки“), и традиционным образом скатерти-самобранной:

Глядь — скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка,
И спрятались опять.

В сказке „Королевич и его дядька“ (Афан., №67а) мужик-леший дает королевичу скатерть-самобранку: развернули скатерть — чего хочешь, того просишь — и питье, и еда. В сказке „Федор Тугарин и Анастасья Прекрасная“ (Афан., № 95) Иван Царевич отбирает у двух леших скатерть-самобранку: стоит только ее развернуть, тотчас выпрыгнет из нее двенадцать добрых молодцев, да двенадцать красных девиц, принесут разных кушаньев и напитков и начнут потчевать.

В сказке „Конь, скатерть и рожок“ скатерть-самобранка подарена дураку журавлем. „Вынул скатерть и сказал: развернись! Вдруг развернулась скатерть и на ней всяких закусок и напитков наставлено великое множество. Гости начали пить, гулять, веселиться. Как все удовольствовались, дурак сказал: свернись! — и скатерть свернулась“ (Афан., №108).—Ср. еще Афан., №63, 113 (в последнем действующее лицо—батрак).

Загадки и пословицы в прологе и первой части поэмы.

Первые главы поэмы (начиная с Пролога) богаты олицетворениями и образными сравнениями, материал для которых Некрасов берет обычно из загадок и посло-

виц. В этом легко убедиться, сопоставляя текст поэым со сборниками „Пословиц русского народа“ Даля и „Загадок русского народа“ Д. Садовникова (см. новое издание 1901 г. с удобным алфавитным указателем). Вот примеры:

Пролог. Эхо.

Кричат ребята буйные,
А эхо вторит всем.
Никто его не видывал,
А слышать всякий слыхивал,
Без тела, а живет оно,
Без языка кричит.

Садовников, Загадки, № 1996.

Живет без тела,
Говорит без языка,
Никто его не видит,
А всякий слышит. (Эхо).

Глава I. Снег.

Пришла весна — сказался снег!
Он смирен до поры:
Летит — молчит, лежит — молчит.
Когда умрет, тогда ревет.

Садовников, № 1964.

Летит — молчит, лежит — молчит,
Когда умрет, тогда заревет. (Снег).

Там же. Лука и мельница.

Лука похож на мельницу:
Одним не птица мельница,
Что как ни машет крыльями,
Небось не полетит.

Садовников, № 1117,

Птица — юстрица
На девяти ногах стоит,
На ветер глядит,
Крыльями машет,
А улететь не может. (Ветрянка).

Глава II. Замок.

Замок — собачка верная:
Не лает, не кусается,
А не пускает в дом.

Садовников, № 99.

Черненька собачка
Свернувшись лежит,
Не лает, не кусает,
А в дом не пускает. (Замок).

Там же. Сломанный топор.

Подлец ты, не топор!
Пустую службу, плевую
И ту не сослужил.
Всю жизнь свою ты кланялся,
А ласков не бывал.

Садовников, № 4.

На дворе — кланяется,
Придет домой — растянется. (Топор).

Глава III. Ночь.	Садовников, № 1852, III.
Ночь тихая спускается, Уж вышла в небо темное Луна, уж пишет грамоту Господь червонным золотом По синему по бархату, Ту грамоту мудреную, Которой ни разумникам, Ни глупым не прочесть.	Написана грамотка По синему бархату, И не прочесть этой грамотки Ни попам, ни дьякам, Ни умным мужикам.
Там же. Дарьюшка.	Садовников, № 567.
— Худа ты стала, Дарьюшка! „Не веретенце, друг! Вот то, чем больше вертится, Пузатее становится, А я, как день-деньской. . .	Чем больше я верчусь, Тем больше я толстею. (Веретено).
Там же. Еда крестьянская.	Садовников, № 13.
Сладка еда крестьянская, Весь век пила железная Жует, а есть не ест.	Скоро ест, Мелко жует, Сама не глотает, Другой сыт бывает. (Пила).

Ср. также в прологе о кукушке (с примечанием самого Некрасова — Даль, Словарь, II, 550); в главе I-й о радуге (примечание Некрасова — Даль, Пословицы, IV, стр. 182); или в главе I-й же (Поп): „солдаты шилом бреются, солдаты дымом греются“ (Даль, Словарь, IV, 373); или еще в Прологе („ой тени, тени черные! кого вы не нагоните? кого не перегоните? Вас только, тени черные, нельзя поймать-обнять“ — Садовников, № 1888: „Чего не догонишь?“ - тень) и т. д. *)

Глава I.

Поп.

Теперь посмотрим, братия,
Каков попу покой?
Начать, признаться, надо бы

*) Сопоставления ряда стихов поэмы с устным народным творчеством, при этом с указанием на соответствующие источники, выполнены для настоящей книги А. И. Белецким. Кроме того, разумеется, использованы и прежде опубликованные исследования.

Почти с рожденья самого,
Как достается грамота
Поповскому сынку,
Какой ценой поповичем
Священство покупается,
Да лучше помолчим!

Некрасов говорит об известном порядке занятия мест сельским духовенством — порядке, просуществовавшем до самого падения монархии. Об этом картинно рассказывал Н. Помяловский в третьем бурсацком очерке — „Женихи бурсы". Эти „Очерки бурсы" Помяловского имеет в виду Некрасов, когда говорит, „как достается грамота поповскому сынку". Что касается цены, какою покупается сельское священство, то об этом Помяловский говорит также достаточно подробно: „Русские священники, диаконы, причетники — представители православного пролетариата. У них нет собственности. До поступления на место всякий поп гладен и хладен, при поступлении приход его кормит; умирает он всегда с тяжелой мыслью, что его сыновья и дочери пойдут по-миру. Вот это-то пролетариатство духовенства, безземельность необеспеченность извратили его жизнь. Чтобы не дать умереть с голоду осиротевшим семействам духовных лиц, решились пожертвовать одним из высочайших учреждений человеческих — браком. Места закрепляют — техническое, заметьте, чуть ли не официальное выражение. По смерти главы семейства место его остается за тем, кто согласится взять замуж его дочь, либо родственницу. Кандидатам на место объявляется об открывшейся вакансии, со взятием такой-то. При таких порядках нередко выходили скандальные столкновения — невеста попадалась старая, рябая, сварливая девчина и жених еще до свадьбы порывался побить ее. Но когда невеста приезжала в город, так и тогда умели обделывать свои дела и спускали залежалый и бракованный товар с удивительной ловкостью: щеки невесты штукатурились, смотрины назначались

вечером, при слабом освещении — и рябое выходило гладким, старое — молодым..." (Н. Г. Помяловский, Сочин., т. II, изд. 1918 г., стр. 112).

Этот третий очерк Помяловского—„Женихи бурсы", был напечатан в апрельской книжке журнала „Современник" за 1863 г., а в книжке 6 — 8 того же журнала за 1864 г. появилась повесть Решетникова „Ставленник", где тема о женихе-бурсаке, получающем священство, приобрела еще более подробные бытовые очертания. Таким образом Некрасов во время создания главы „Поп" был под несомненным впечатлением от этих литературных произведений. Но как очерк Помяловского, так и повесть Решетникова „Ставленник" явились для поэта лишь исходным пунктом. Некрасов берет эту протянутую нить, чтобы далее уже показать развернутую картину жизни сельского попа.

> В жнитво и сенокос,
> В глухую ночь осеннюю,
> Зимой в морозы лютые,
> И в половодье вешнее—
> Иди, куда зовут!
> Идешь безотговорочно,
> И пусть бы только косточки
> Ломалися одни, —
> Нет! всякий раз намаешься,
> Переболит душа.
> Не верьте, православные,
> Привычке есть предел:
> Нет сердца, выносящего
> Без некоего трепета
> Предсмертное хрипение,
> Надгробное рыдание,
> Сиротскую печаль!

При чтении этого отрывка необходимо иметь в виду, что Некрасов берет не духовенство вообще и даже не сельское духовенство в его общем виде, а лишь представителя сельской бедноты, обрабатывающего землю своим трудом и сохраняющего к тому же известную совестливость при виде деревенской нищеты.

В дополнение к этому образу сельского попа из поэмы Некрасова можно привести второй очерк из цикла „Мелочи жизни“ Салтыкова-Щедрина — „Сельский священник“ (1886 г.), где писатель прямо говорит, какую категорию сельского духовенства он имеет в виду: „Я говорю исключительно о священнике, не отказавшемся от личного сельско-хозяйственного труда. О священниках новой формации я знаю очень мало, хотя слышал, что большинство их уже относится, например, к полеводству довольно холодно“ (Салтыков, Сочин., т. IV, изд. 1906 г., стр. 304).

В конце первой главы поэмы поп говорит странникам-мужикам:

Напутствуешь усопшего
И поддержать в оставшихся
По мере сил стараешься
Дух бодр! А тут к тебе
Старуха, мать покойника,
Глядь, тянется с костлявою,
Мозолистой рукой.
Душа переворотится,
Как звякнут в этой рученьке
Два медных пятака! и т. д.

Этот образ сельского попа, не утратившего совестливости, получил свое дальнейшее развитие в рассказе А. Чехова „Кошмар“ (1886 г.), в рассказе Мамина-Сибиряка „Ранний батюшка“ (1902 г.) и в некоторых произведениях Гусева-Оренбургского.

Некрасов изображает сельского попа обездоленным еще и вследствие того, что падение крепостного права привело к разорению помещиков.

Во время недалекое
Империя российская
Дворянскими усадьбами
Была полным-полна,
И жили там помещики,
Владельцы именитые,
Каких теперь уж нет!

Плодилися и множились
И нам давали жить. .
А ныне уж не то!
Как племя иудейское,
Рассеялись помещики
По дальней чужеземщине
И по Руси родной.

Дворянское оскудение, о котором так подробно говорится в этой главе, несомненно отразилось на благосостоянии сельских попов. Но по мере развития капитализма вообще и торгового капитала в частности многие сельские попы нашли свою материальную опору в богатеях деревни. Припомним, например, образ попа в рассказе А. Чехова „В овраге".

Историю трудовой жизни сельского священника в поэме Некрасова все же приходится принимать условно. Как бы ни был обездоленный сельский поп настроен благожелательно к деревенской бедноте, но профессия служителя культа, опирающегося на народную темноту, не может не сказаться на его облике. Отсюда отношение к попам вообще со стороны крестьянства, которое в поэме формулировано в таких словах:

„Теперь посмотрим, братия,
Каков попу почет?
Задача щекотливая,
Не прогневить бы вас.
„Скажите, православные,
Кого вы называете
Породой жеребячьею?
Чур! отвечать на спрос!"
Крестьяне позамялися,
Молчат — и поп молчит!..
„С кем встречи вы боитеся,
Идя путем дорогою?
Чур! отвечать на спрос!"
Кряхтят, переминаются,
Молчат!
„О ком слагаете
Вы сказки балагурные,

И песни непристойные,
И всякую хулу?...
„Мать-попадью степенную,
Попову дочь безвинную,
Семинариста всякого —
Как чествуете вы?
Кому в догон, злорадствуя,
Кричите: го-го-го?“

Некрасовский поп говорит лишь о тягости этого презрения народного для наиболее совестливой части сельского духовенства, но он не вскрывает источника такого отношения к духовенству. Об этом источнике вскользь говорит Белинский в своем знаменитом письме к Гоголю, в 1847 г. Великий критик утверждает, что русское духовенство было слугою и рабом царской власти, выполняя ее предначертания. Поп в поэме Некрасова говорит о сказках балагурных и песнях непристойных. То же говорит и Белинский, обращаясь к Гоголю: „Неужели же в самом деле вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа? Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника. Не есть ли поп на Руси для всех русских представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества и бесстыдства?“ (В. Белинский. Письма, т. III, изд. 1914 г., стр. 233).

Сотрудник журнала „Христианское чтение“, издаваемого духовной академией, не соглашаясь с великим критиком-публицистом в оценке русского духовенства, все же отметил связь этих жалоб некрасовского попа с соответствующим местом письма Белинского к Гоголю. Это письмо тогда еще даже частично не было опубликовано, но было достаточно известно. Обозреватель литературы пишет: „Интересно сопоставить это место поэмы с приведенным выше отрывком из письма Белинского. „Поп“ поэмы буквально повторяет те прозвища, какие, по словам критика, усвояет священнику народ“ (Н. В.

„Мнения и отзыв нашей светской литературы о русском духовенстве“. „Христианское чтение“, 1874 г. март, 495). Этот же обозреватель делает такое наблюдение: „Ответ попа, надо полагать, сообразно его схоластическому образованию, имеет строго систематический вид и делится на три части. В чем счастие по-вашему? Покой, богатство, честь?—спрашивает он. И затем рассказывает, каков попу покой, какова ему честь и каково богатство“. (Там же, стр. 495).

В условиях царской цензуры того времени Некрасов не мог говорить о духовенстве русском вообще. Даже в главе „Поп“ цензор Лебедев отметил „три резкие по своему неприличию места“. Цензор имел в виду два места из приводимого нами отрывка (о „жеребячьей породе“ и о непристойных песнях и сказках), а также слова о том, что помещики рассеялись как „племя иудейское“ (В. Евгеньев Максимов. В цензурных тисках. „Книга и революция“, 1921 г., № 2). Повидимому даже оглашение этих известных фактов, а вовсе не какая-нибудь выдумка, уже приводило цензора в смущение.

Но хотя и сдавленный цензурными тисками, Некрасов стремится выйти из них. В главе „Счастливые“ этой же части, изображая уволенного дьячка, поэт дает едкую сатиру на поповские проповеди, явно пародируя лицемерный прием противопоставления царства небесного царству земному. Во второй части поэмы—„Крестьянка“, Некрасов выводит пьяного диакона-забулдыгу, в главе „Демушка“ этой же второй части лекарь угощает попа водкой: „прошу покорнейше“.

А поп ему:

„Что просите?
Без прутика, без кнутика
Все ходим, люди грешные,
На этот водопой!“

В стихотворении „Как празднуют трусу“ (1876 г.), которое было опубликовано лишь в 1898 г. есть такие строки:

Те же напевы, тоску наводящие,
С детства знакомые нам,
И о терпении новом молящие
Те же попы по церквам.

Здесь работа попов определенным образом связывается со всей системой закабаления трудового крестьянства.

Ярославская губерния после Москвы считалась главным гнездом раскола.

„Потом статья. . . раскольники?...
Не грешен, не живился я
С раскольников ничем,—
По счастью, нужды не было:
В моем приходе числится
Живущих в православии
Две трети прихожан.
А есть такие волости,
Где сплошь почти раскольники,
Так как тут быть попу?

О том, что раскольники были для православного духовенства „доходной статьей“, очень подробно говорит правительственный историк министерства внутренних дел — Н. Варадинов:

„В Романове-Борисоглебске находилось более $^{2}/_{3}$ городских жителей таких, которые хотя крестили своих детей в православных церквах и сами в них венчались, но ни они, ни дети их не бывали на исповеди и у св. причастия, особенно же женщины: детей своих, крещенных православными священниками, они исправляли у себя на дому. Духовенство показывало в исповедных списках этих тайных раскольников не бывшими на исповеди по нерадению, а духовное начальство оказывало снисхождение, не подвергая этих нерадивых духовному взысканию“. Далее чиновный историк продолжает: „Некоторые из таких тайных раскольников избирались даже в общественные должности—городского головы и членов магистрата, получая от священников свидетельство, что

они к расколу не принадлежат. Некоторые из священников записывали и явных раскольников в число нерадивых, а иных даже исполнившими христианский долг. Один из священников обвенчал в православной церкви по старому обряду. Городская полиция еще более смотрела на раскол сквозь пальцы" (Н. Варадинов. История министерства внутренних дел, т. VIII, изд. 1863 г., стр. 526—27). Такова была деятельность взяточников-попов Ярославской губ., о которой говорится в поэме Некрасова. Но дело доходило временами даже до полной откровенности: „Опасаясь подать повод к подозрению в расколе, раскольники по добровольной раскладке жертвовали слишком 800 р. ежегодно на содержание городских православных церквей". (Там же, стр. 529).

Этому взяточному поповскому благоденствию был нанесен некоторый удар вынужденным реформаторством царской власти. Об этом поп в поэме Некрасова говорит так:

„Все в мире переменчиво,
Пройдет и самый мир. . .
Законы прежде строгие
К раскольникам смягчилися,
А с ними и поповскому
Доходу мат пришел.

В 1863 г. министр внутренних дел Валуев, в докладной записке императору Александру II, доказывал несостоятельность прежнего взгляда на раскол. В записке этой предлагалось, чтобы делами о раскольниках ведала лишь гражданская власть. Комитет из духовных и светских лиц вынес соответствующее решение и 16 августа 1864 г. работа этого комитета получила одобрение царя. Постановлено было постепенно вводить меры, которые касались общегражданских прав раскольников. Но эти реформы не привели к полной свободе вероисповеданий, а лишь отобрали „доходную статью" от попов, отдав раскольников исключительно в распоряжение представителей гражданской власти.

Картины природы и быта в этой первой главе, так же как и в последующих, характерны сравнениями, взятыми из крестьянского обихода.

Рядами нити серые
Повисли до земли,
А ближе над крестьянами,
Из небольших, разорванных,
Веселых облачков
Смеется солнце красное,
Как девка из снопов.

Не дождь, там чудо божие:
Там с золотыми нитками
Развешены мотки.

В главе второй — „Сельская ярмарка":

Не греет землю солнышко,
И облака дождливые,
Как дойные коровушки,
Идут по небесам.

На длинном шатком плотике
С вальком поповна толстая
Стоит, как стог подщипанный,
Подтыкавши подол.

С большим носатым чайником
Поднос в руках подносчика,
И маленькими чашками,
Как гусыня с гусятами,
Тот чайник окружен.

Исследователь некрасовских сравнений С. Шувалов говорит: „Певец народа (т. е. главным образом крестьянства), Некрасов естественно применял к изображению его жизни приемы его же поэзии. Вообще, тематикой большинства некрасовских сравнений (крестьянские мотивы в разнообразных вариациях) обусловлены и многие формы заключающихся в них сравнений" (С. В. Шувалов. Семь поэтов, изд. 1927 г., гл. „Некрасов", стр. 117).

Глава II.

Сельская ярмарка.

По пьяным по головушкам
Играет солнце вешнее.
Хмельно, горласто, празднично,
Пестро, красно кругом!
Штаны на парнях плисовы,
Жилеты полосатые,
Рубахи всех цветов;
На бабах платы красные,
У девок косы с лентами,
Лебедками плывут.

В критической литературе конца 70-х годов отмечалось, что, после „Сорочинской ярмарки“ Гоголя, изображаемая Некрасовым ярмарка—наиболее художественна (сборник „Некрасов“, изд. 1878 г., стр. 75). Но весь колорит ярмарки Некрасова, так же как и описание села Кузьминского, говорит о том, что место действия—центральный район, связанный с промышленными пунктами. Плисовые штаны, полосатые жилеты, рубахи всех цветов, красные платки—таковы особенности праздничного наряда крестьян и мещан указанного района. Кроме того, близость к обоим главным центрам—Москве и Петербургу—делает возможным появление на сельской ярмарке этого района деревенской модницы, подражающей столичным дамам.

А есть еще затейницы,
Одеты по столичному—
И ширится и дуется
Подол на обручах!
Заступишь—расфуфырится!
Вольно же, новомодницы,
Вам снасти рыболовные
Под юбками носить!

Наряд изображенной Некрасовым модницы—это кринолин. Кринолин—ткань из конского волоса (crin). Из этой ткани приготовляли женские юбки, для того, чтобы придать платью более пышный вид. Затем стали делать

юбки на стальных обручах, за которыми также осталось название кринолина. Мода эта господствовала в шестидесятых годах. Кринолин появился в Париже по инициативе императрицы Евгении (жены Наполеона III). „Отсюда и началось его победоносное шествие по всему свету. С этих пор мода стала меняться с такой быстротой, что за нею трудно уследить. Юбки становились все пышнее и пышнее, ширина подола доходила до 6—8 метров“ („Энциклопедия сценического самообразования“— „Костюм“, сборн. под ред. Ф. Ф. Комиссаржевского, стр. 425—426). Некрасов писал первую часть поэмы в 1865 г. К этому году кринолин почти вышел из моды, но „сохранился до 1870 г. только среди женщин низшего сословия, да и то в значительно уменьшенном виде“ (там же, стр. 428). Этими датами устанавливается возможность появления запоздалых „модниц“ на сельской ярмарке.

Пошли по лавкам странники:
Любуются платочками,
Ивановскими ситцами,
Шлеями, новой обувью,
Изделием кимряков.

Ивановская текстильная промышленность, работавшая главным образом для внутреннего рынка, уже в 60-е годы имела общероссийское значение и заполняла своими ситцами прежде всего ярмарки соседних губерний. В 1872 г. село Иваново было объединено со смежным Вознесенским посадом в город Иваново-Вознесенск. Но уже с 1857 г., приблизительно за 10 лет до написания первой главы поэмы, по одному Вознесенскому посаду вырабатывалось миткалей, ситцев и платков до 450.000 кусков на сумму 2.250.000 руб. серебром“ (статья И. Бабурина в журн. „Мин. внутр. дел“, 1857 г., август, цитировано по сборнику „Иван.-Вознес. губ.“, изд. „Основа“, 1924 г., стр. 18).

„Изделье кимряков“, т. е. обувь издавна вырабатывалась в большом количестве в богатом селе Кимры

(Тверск. губ., Корчевского уезда). Больше половины населения (55%) в Кимрах были сапожники-кустари. По производимой обуви село Кимры очень долго занимало первое место в стране.

Да был тут человек,
Павлуша Веретенников,
Какого роду, звания—
Не знали мужики,
Однако звали „барином“.
Горазд он был балясничать,
Носил рубаху красную,
Поддевочку суконную,
Смазные сапоги;
Пел складно песни русские
И слушать их любил.

В следующей главе—„Пьяная ночь“—Веретенников

Беседует с крестьянами,
Крестьяне открываются
Миляге по душе:
Похвалит Павел песенку—
Пять раз споют, записывай!
Понравится пословица—
Пословицу пиши!

Павел Веретенников, выведенный Некрасовым в этих главах—это особый тип русского интеллигента, собирателя народных песен, сказок и пословиц. Прототипом для Некрасова мог быть известный в свое время писатель-этнограф Павел Якушкин (род. в 1820 г.). Еще в 40-х годах, под влиянием известного тогда писателя-славянофила Киреевского, Якушкин бросил университет и отправился странствовать по деревням под видом коробейника. В своем биографическом очерке о П. Якушкине другой известный писатель-этнограф — С. Максимов, рассказывает о своем знакомстве с Якушкиным в 1858 г.: „Мы увидели перед собой человека, одетого в полумещанский костюм, у которого парадным платьем на выход была черная суконная поддевка и те же высокие

сапоги с напуском без калош... Борода была густая и довольно подержанная: седина уже предательски пробивалась в ней... Павел Иванович положительно разучился носить всякий другой костюм, кроме усвоенного и завоеванного им... В нем он производил одну из труднейших работ изучения русского народа“ (Сочинения П. Якушкина, изд. 1884 г. Вступит. биограф. очерк С. Максимова, стр. 2—3). В очерке „Небывальщина“ П. Якушкин рассказал о том, к каким недоразумениям приводил иногда его костюм (Сочин. 1884 г., стр. 90—108). Как собиратель народных песен, П. Якушкин начал свою исследовательскую работу как раз с северных поволжских губерний—место действия поэмы Некрасова. После напечатания собранных им народных песен в „Летописях Русск. Лит.“ 1859 г. и в „Отечеств. Записк.“ 1860 г. труд Якушкина обратил на себя внимание знатоков народной словесности.

Определенных политических идей у П. Якушкина не было, но это не помешало ему самым активным образом выразить свое сочувствие Чернышевскому, когда этот великий мыслитель-социалист стоял, испытывая процедуру гражданской казни, у позорного столба, а затем тронулся в свое долгое мрачное изгнание. По словам Лескова, „социальные симпатии Якушкина были на стороне рабочих людей,—особенно батраков, фабричных и вообще всей подобной „голытьбы“, которую, по словам Якушкина, „хозяева заморить готовы и могут заморить, если те сами в свой разум не придут и не узнают, как они нужны“ (П. Якушкин. Соч. Воспоминания Лескова, стр. 61).

Для более близкого знакомства с крестьянами П. Якушкину часто приходилось заниматься взаимным угощением в кабаке. Под конец жизни это сделало его неисправимым алкоголиком. Как и Павел Якушкин, Павел Веретенников в поэме Некрасова угощается с крестьянами водкой.

Достали водки, выпили.
Якиму Веретенников
Два шкалика поднес.
„Ай, барин! не прогневался,
Разумная головушка!
(Сказал ему Яким).
Разумной-то головушке
Как не понять крестьянина?
А свиньи ходят по земли—
Не видят неба век“!

Умер Павел Якушкин в 1882 г. на больничной койке. В наиболее полном виде его сочинения были изданы в 1884 г. Сюда вошли как этнографические очерки Якушкина, так и собранные им песни. Одна из песен, вошедших во вторую часть поэмы „Кому на Руси“—„Снится мне младенькой, дремлется“,—заимствованная Некрасовым из записей Шейна („Русские народные песни“, изд. 1870 г.) могла быть, хотя и в иной редакции, прочтена поэтом в одном из наиболее полных сборников П. Якушкина, вышедшем в 1865 г., или несколько ранее в „Отечествен. Записках“, 1860 г.

Некрасов был знаком с Якушкиным, очень ценил его. В своем письме к издателю сочинений П. Якушкина С. Максимов сообщает, что его воспоминания о П. И. Якушкине, не вышедшие в 1872 г. „по независящим обстоятельствам“, были написаны по просьбе Н. А. Некрасова“.

Была тут также лавочка
С картинами и книгами:
Офени запасалися
Своим товаром в ней.
—А генералов надобно?
Спросил их купчик выжига.
—И генералов дай!
Да только ты по совести,
Чтоб были настоящие—
Потолще, погрузней“...
—А статских не желаете?
„Ну вот еще со статскими!“
(Однако взяли—дешево!—

Какого-то сановника
За брюхо с бочку винную
И за семнадцать звезд).
Купец—со всем почтением,
Что любо, тем и потчует
(С Лубянки—первый вор!)
Спустил по сотне Блюхера,
Архимандрита Фотия,
Разбойника Сипко;
Сбыл книги: „Шут Балакирев“
И „Английский милорд“...

Сельские ярмарки особенно были полны произведениями так называемого лубочного искусства и литературы. Некрасов подчеркивает здесь грубость и безвкусицу, характерную для такого рода картин. Такие картины назывались лубочными. По поводу этого названия Ю. М. Соколов говорит: „Происхождение термина „лубочный“ объясняют различно: или ведут его от названия лубочных (липовых) досок, на которых гравировался текст и иллюстрации к нему, или от лубочных коробок, в которых офени разносили дешевые книжки, или от прилагательного „лубочный“, в смысле „дешевый“, как сделанный из лубка—дешевого и грубого материала“ (Литерат.-Энциклоп. Словарь литературных терминов“, т. I, изд. 1925 г., стр. 476). Содержание лубочных картин—самое разнообразное: жития святых, сказки, иллюстрации к популярным песням, картины на сюжеты исторические, затем—юмористические и с налетом сатиры, портреты царей и полководцев и т. д.

Некрасов изображает, как офени, т. е. странствующие сельские торговцы, покупают у приехавшего на ярмарку московского купца лубочные картины. Эти офени прекрасно учитывают вкусы своих потребителей-крестьян.

Дрянь что ли сбыть желательно?
А мы куда с ней денемся?
Шалишь! Перед крестьянином
Все генералы равные,
Как шишки на ели;

Чтобы продать невзрачного,
Попасть на доку надобно,
А толстого да грозного
Я всякому всучу:
Давай больших, осанистых,
Грудь с гору, глаз на выкате,
Да чтобы больше звезд!

Упоминаемый Некрасовым Блюхер—знаменитый прусский генерал (род. в 1742 г., ум. в 1819 г.). Во время совместного выступления России и Пруссии против Наполеона (в 1813 г.) был командующим союзными армиями и получил звание фельдмаршала (высший военный чин в русской армии). Это и сделало Блюхера известным среди русских солдат, которые для большей легкости называли его „генералом Брюховым". Его лубочный литографский портрет имел в издании 1839 г. надпись: „Прусский генерал-фельдмаршал и орденов разных государств кавалер Блюхер" („Русские народные картинки", собрал и описал Д.Ровинский, изд. 1881 г., т. II, стр. 61).

Архимандрит Фотий (род. в 1792 г., ум. в 1838 г.)— известный поп мракобес, которого Пушкин заклеймил в своих стихах. Один из столпов реакционной русской аристократии эпохи Александра I, Фотий злобно пророчествовал о наступлении бесовских революционных сил. Он стяжал себе славу „святого", будучи на самом деле развратником в кругу поклонниц-аристократок.

Народная литература называлась лубочной по своему низкому литературному качеству. По содержанию своему эта литература многообразна: повести о небывалых рыцарях вроде Гуака, повести бытовые, песенники, произведения на сюжеты исторические, жития святых и т. д. Среди этой литературы были и произведения известных писателей главным образом первой половины 19 века, но большей частью в грубо переработанном виде. Большое значение издатели придавали кричащим заглавиям

книжек. Например, „Из-под венца в кандалы“, „Битва русских с кабардинцами, или прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего мужа“. Соответствующим образом переделывались и названия произведений известных писателей: не просто „Дубровский“, а „Разбойник дворянин Дубровский“ и т. д.

Вся эта литература имела своих прославленных издателей: в начале 19 века—Логинова, Шарапова, потом—Губонина, Манухина, Сытина и др., которые группировались около существовавшего тогда Никольскаго рынка. Центром торговли лубочной литературой была Нижегородская ярмарка, а затем издатели снабжали своей продукцией с помощью офеней, т. е. странствующих торговцев, провинциальные города и крупные торговые села, в роде села Кузьминского в поэме Некрасова.

Лубочная книга „Шут Балакирев“, о которой упоминается в поэме Некрасова, сначала была достоянием более культурного слоя читателей. Иван Александрович Балакирев—придворный шут Петра I (род. в 1699 г.). Одно время Балакирев был сослан, потом возвращен и особенным вниманием, как шут, пользовался при императрице Анне.

Ксенофонт Полевой в 1830 г. выпустил „Собрание анекдотов Балакирева“. Уже в это издание вошли многие анекдоты, заимствованные из других источников.

Повесть „Английский милорд“ была в свое время очень популярна. В ней описываются приключения „милорда“ Георга, его необычайная любовь к маркграфине Луизе, а также суровая недоступность этой „красавицы“; к этой истории присоединена другая—полная приключений любовь турецкого визиря Марцимириса и сардинской королевы Терезии. Автором этого произведения был Матвей Комаров, начавший выпускать свои произведения еще в конце 18 века (убит в 1812 г. в Москве), кроме „Милорда“ составивший историю „французского мошенника Картуша“ и жизнеописание „Ваньки-

Каина". „Повесть о приключениях английского милорда" долгое время издавалась в трех томах (девятое издание— в 1839 г.), но, применяясь к массовому потребителю, издатели довели ее до размеров доступной по дешевизне небольшой книжки.

Эх-эх! придет ли времячко,
Когда (приди, желанное!)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого,—
Белинского и Гоголя
С базара понесет?
Ой, люди, люди русские,
Крестьяне православные!
Слыхали ли когда-нибудь
Вы эти имена?
То имена великие:
Носили их, прославили
Заступники народные!
Вот вам бы их портретики
Повесить в ваших горенках,
Их книги прочитать.

Это противопоставление Белинского и Гоголя генералу Блюхеру и глупому милорду в течение пяти десятилетий после смерти поэта неоднократно цитировалось различными публицистами и исследователями вопросов народного просвещения. И для самого поэта имена Белинского и Гоголя оставались великими. Конечно, Некрасов имеет в виду художественное творчество Гоголя, он ценит его, вслед за Белинским, прежде всего как автора „Шинели", „Ревизора" и „Мертвых душ", имевших громадное общественное значение. Немедленно после смерти Гоголя, в 1852 г., Некрасов пишет стихотворение, посвященное его памяти („Блажен незлобивый поэт"), где формулирует заслуги писателя в таких словах:

Он проповедует любовь
Враждебным словом отрицанья,

Великий критик В. Г. Белинский (род. в 1811 г., ум. в 1848 г.) имел большое значение в умственном развитии поэта. Об этом Некрасов рассказывал так: „Ясно припоминаю, как мы с ним, вдвоем, часов до двух беседовали о литературе и о разных других предметах. После этого я всегда долго бродил по опустелым улицам в каком-то возбужденном настроении, столько было для меня нового в высказанных им мыслях“ (Авд. Панаева. „Воспоминанья“, под ред. К. Чуковского, изд. 1927 г., стр. 403). В 1855 г., т. е. семь лет спустя после смерти великого критика, Некрасов написал стихотворение „Памяти приятеля“ и поэму „Белинский“. Называя Белинского в поэме „Кому на Руси“ „народным заступником“, Некрасов, конечно, имеет в виду прежде всего знаменитое письмо Белинского к Гоголю, где великий критик выступил таким пламенным обличителем царского самодержавия, поповского православия и всех душителей народа. В 1867 г. в большом стихотворении „Медвежья охота“ Некрасов вновь вспоминает о Белинском, называет его своим „великим учителем“ и молится его „многострадальной тени“.

Скорбя о том, что народ еще находится во власти лубочного искусства и литературы, Некрасов выражал не только настроение революционной разночинной демократии 70-х годов, но и настроение небольшого слоя революционного пролетариата того времени. Ткач Петр Алексеевич, в своей речи на политическом процессе 10 марта 1877 г., между прочим, говорил: „Разве у нас есть полезные и доступные книги для работника? Где и чему они могут научиться? А взгляните в русскую народную литературу. Ничего не может быть разительнее того примера, что у нас издают для народного чтения такие книги, как „Бова королевич“, „Еруслан Лазаревич“, „Ванька-Каин“, „Жених в чернилах и невеста во щах“ и т. п.; оттого-то в нашем рабочем народе и сложились такие понятия о чтении: одно забавное, а

другое божественное. Я думаю каждому известно, что у нас в России рабочие все еще не избавлены от преследования за чтение книг, а в особенности, если у него увидят книгу, в которой говорится о его положении— тогда уж держись“ („Историко-революционная хрестоматия“, т. I, изд. 1923 г., стр. 130—131).

Мечтания великого поэта в значительной мере осуществились через 28 лет после его смерти—в революцию 1905 г., когда в популярной марксистской литературе идеи Белинского получили еще более глубокое обоснование. Но как раз проникновение этих идей в среду пролетариата и передовой части крестьянской демократии наполнило тревогой и испугало либералов, ибо перед ними уже стоял призрак будущего социального переворота. Подводя итоги революции 1905 г., некий Щепетьев в кадетском журнале „Русская Мысль“ назвал этот год „тревожным и беспокойным“. В. И. Ленин отозвался на это замечательной отповедью, припоминая также указанное нами место из поэмы Некрасова:

„Некрасов восклицал о давно, давно прошедшем времени:

Придет ли времячко
(Приди, приди желанное!),
Когда народ не Блюхера
И не милорда глупого,—
Белинского и Гоголя
С базара понесет.

Желанное для одного из старых русских демократов „времячко“ пришло. Купцы бросили торговать овсом и начинали более выгодную торговлю—демократической дешевой брошюрой. Демократическая книжка стала **базарным** продуктом. Теми идеями Белинского и Гоголя, которые делали этих писателей дорогими Некрасову,—как и всякому порядочному человеку на Руси,—была пропитана сплошь эта новая базарная литература.

...„Какое беспокойство!“—воскликнула мнящая себя образованной, а на самом деле грязная, отвратительная, ожиревшая, самодовольная либеральная свинья, когда увидела на деле этот народ, несущий с базара... „письмо Белинского к Гоголю“ (Ленин, т. XII, изд. 1-е, стр. 294).

Про балаган прослышавши,
Пошли и наши странники
Послушать, поглазеть.
Комедию с Петрушкою,
С козою-барабанщицей.
И не с простой шарманкою,
А с настоящей музыкой
Смотрели тут они.

„Петрушка“—одна из форм кукольного театра в России. Такая форма этого театра стала очень популярной, и на сельских ярмарках прошлого „Петрушка“ был всегда желанным гостем. Действующие лица этого кукольного представления—Петрушка, его жена, цыган, доктор, квартальный, немец и собака. Человеку, руководящему из-за ширмы действием всех этих кукол, предоставляется известная свобода в построении речей своих персонажей. Но самый ход действия был приблизительно неизменным. Действие состояло из пляски Петрушки с женою, покупки у цыгана лошади, которая сбрасывает Петрушку, комической сцены с доктором, которого Петрушка убивает. Но особенно действовала на зрителей сцена с квартальным, которого Петрушка колотит палкою, ибо это удовлетворяло как бы чувство возмездия за те деяния, которые часто чинила полиция по отношению к бесправному обывателю. Так эту сцену воспринимают и некрасовские семь мужиков:

Комедия не мудрая,
Однако и неглупая,
Хожалому, квартальному
Не в бровь, а прямо в глаз!

Представление обычно кончалось тем, что собака схватывала Петрушку за нос и погружала за ширмы.

Гуторят с музыкантами:
— Откуда молодцы?
„А были мы господские,
Играли на помещика,
Теперь мы люди вольные,
Кто поднесет, попотчует,
Тот нам и господин.“

Среди помещичьих дворовых крепостных были люди самых разнообразных профессий, в том числе актеры и музыканты. В историческом очерке Н. Евреинова „Крепостной театр“ (изд. 1911 г.), дана сводка имеющегося на этот счет материала. Е. А. Сушкова в своих „Записках“ рассказывает о житье у своей бабушки. „Иногда вечером угощала она нас доморощенными музыкантами и певцами. По самым торжественным дням в семействе, в большом зале с колоннами и хорами, устраивались театры; актерами были те же певцы и певицы, музыканты тоже зачастую перебегали из оркестра на сцену, переменяя, по обстоятельствам, смычок на шпагу или на палку“ (Е. Сушкова, Записки, изд. „Academia“, 1928 г., стр. 31).

Падение крепостного права сделало бывших дворовых юридически свободными. Но как люди не связанные с землей, они попали сразу на положение пролетариев. Об этом положении дворовых после 1861 г. рассказывает П. Кропоткин: „Они не получили надела, да и вряд знали бы, что делать с ним, если бы получили. Дворовым дали свободу и ничего больше. В нашем округе почти все они оставили своих прежних господ; у моего отца, например, никто не остался. Они разбрелись в поисках за занятиями. Многие сейчас же нашли место у купцов, которые гордились тем, что у них служит кучер князя такого-то или повар генерала такого-то. Знавшие какое-нибудь ремесло находили работу в городе. Так, напри-

мер, оркестр моего отца так и остался оркестром, хорошо зарабатывал в Калуге и поддерживал дружелюбные отношения с нашим домом“ (П. Кропоткин. Записки революционера, изд. 1918 г., стр. 104—105).

Глава III.

Пьяная ночь.

Центральным местом этой главы является рассказ Якима Нагого о тяжелой крестьянской жизни. В этом повествовании Якима есть одно место, на котором надо остановиться в первую очередь.

Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три дольщика:
Бог, царь и господин.

Эта строка из отповеди Якима Нагого—„бог, царь и господин“—впервые появилась открыто в пореволюционном издании 1920 г. под редакцией К. Чуковского. Редактор считает ее „дотоле неизвестной“ и говорит в предисловии к 6-му изданию Некрасова: „Первые три строки были известны издавна, но никто не предполагал, что четвертая заключает в себе столь сильное потрясение основ“.

По К. Чуковскому, как и другим исследователям некрасовского творчества, до сих пор было неизвестно следующее: в 1873 г., как раз в год выхода пятого тома Некрасова без этой строки,—вышел нелегальный небольшой революционно-народнический сборник под названием „Новые стихи и песни“. Вместе с правильной датой 1873 г., для отвода глаз полиции, на обложке было поставлено—„типография Борисова“. В этом сборнике, вместе с другими отрывками из Некрасова, к сожалению подвергшимися ненужной переработке, приспособленной для понимания темного крестьянства, имеется отрывок из главы „Пьяная ночь“, где и напечатана указанная

строка. Только она в этой книжке дана в такой редакции:

Поп, царь и господин.

И надо отметить, что эта редакция лучше, ибо поп, берущий с крестьянина деньги или продукты за услуги религиозного характера, есть явление более определенное.

Пространная отповедь Якима Нагого Павлу Веретенникову, который вздумал осуждать крестьян за пьянство, разумеется, не могла относиться к таким людям как Якушкин, воспитанным на идеях Чернышевского и Добролюбова. Но Некрасову нужен был в поэме прием, с помощью которого он мог выступить защитником трудового крестьянства.

Нет меры хмелю русскому!
А горе наше меряли?
Работе мера есть?
Вино валит крестьянина,
А горе не валит его?
Работа не валит?. . .
А что глядеть зазорно вам,
Как пьяные валяются,
Так погляди поди,
Как из болота волоком
Крестьяне сено мокрое
Скосивши волокут:
Где не пробраться лошади,
Где и без ноши пешему
Опасно перейти,
Там рать, орда крестьянская
По кочкам, по зажоринам
Ползком ползет с плетюхами,
Трещит крестьянский пуп!

Такая самозащита представителя трудового крестьянства от злых наветов требовала известной высоты общественного сознания. Поэтому Некрасов и дает в образе Якима Нагого человека, возвышающегося над

средним уровнем крестьянства и прошедшего некоторый стаж борьбы за свои кровные интересы.

Яким-старик убогонький,
Живал когда-то в Питере,
Да угодил в тюрьму:
С купцом тягаться вздумалось!
Как липочка ободранный,
Вернулся он на родину
И за соху взялся.

Но это не исключает того, что с помощью образа Якима Нагого Некрасов выражает точку зрения революционеров-разночинцев на причины народного пьянства. В журнале „Современник", 1859 г., кн. 9, была помещена рецензия на книгу Сергея Шипова „О трезвости в России". Ограниченный, тупой моралист, говорящий лишь о безнравственности употребления водки, С. Шипов получает отповедь со стороны сотрудника „Современника": „Бедняк крестьянин не может так ровно устроить свою жизнь. Даже если он и зажиточен, и тут его может каждую минуту сломить самая пустая случайность. Не говоря о неурожае, скотском падеже и тому подобных случайностях хозяйства, его положение может расстроить немилость старосты, гнев барина, приезд станового, какое-нибудь мертвое тело, оказавшееся близ его огорода, проезд его по лесу во время тайной порубки, совершавшейся там неизвестными людьми. . . Эти нравственные причины, препятствуя ровному течению жизни, постоянно и производят то безрасчетное, разгульное расположение, в котором человек говорит: „Ну их всех!... Хоть день да мой, а там что будет, то будет!"... А что уж говорить о том, когда нравственная тяжесть гнетет человека, обремененного еще физической нуждою".

Руководители „Современника" повидимому придавали большое идеологическое значение этой рецензии: издавая сочинения Н. Добролюбова в 1862 г., они статью критика, публициста—„Народное Дело", дополняют этой рецен-

зией (Н. Добролюбов, Соч. т. IV, 1871 г., издание 2-е без перемен, стр. 116—119).

Влияние некрасовской темы сказалось отчасти на построении рассказа В. Короленко „Сон Макара“, написанного в 1883 г. В. Короленко вкладывает в уста старого якута оправдательную речь перед лицом сурового бога Тайона: так же как и Яким Нагой, Макар не отрицает, что он много пил. Но так же, как и Яким, он противопоставляет этому всю свою жизнь, полную жестокой борьбы и страшных лишений.

Вгляделся барин в пахаря:
Грудь впалая; как вдавленный
Живот; у глаз, у рта
Излучины, как трещины
На высохшей земле;
И как на землю матушку
Похож он: шея бурая,
Как пласт сохой отрезанный,
Кирпичное лицо,
Рука—кора древесная,
А волосы—песок.

Эта обрисовка внешнего облика Якима Нагого до некоторой степени напоминает изображение крестьянина-землекопа в „Железной дороге“: в поэме—„впалая грудь“, в стих.—„ямою грудь“; в поэме—„у глаз, у рта излучины, как трещины на высохшей земле“, в стих.— „губы безкровные, веки упавшие“; в поэме—„волосы—песок“, в стих.—„Колтун в волосах“ (ср. „Железная дорога“, гл. II).

Изображая в конце песни „Пьяная ночь“ грусть семи мужиков по оставленным женам, Некрасов использовал и здесь устное народное творчество.

Оно и правда: с женушкой
Теперь бы веселей!
Иван кричит: „я спать хочу“,
А Марьюшка: „и я с тобой!“
Иван кричит: „постель узка“,

А Марьюшка: „уляжемся!“
Иван кричит: „ой, холодно“,
А Марьюшка: „угреемся!“
Как вспомнили ту песенку. . .

Ср. в статье Гл. Соколова „Этнографические сведения о государственных крестьянах Тульской губернии“, в Тульских Губернских Ведомостях 1861 г.—перепечатано в „Этнографическом сборнике“ Географического О ва, вып. VI, СПБ, 1864 г., № 8, стр. 12:

Шелковая ниточка по стенке льнет,
Иван Марьюшку к сердцу жмет.
Ты душка женушка, стряпушка моя!
Иван ходит по двору,
Шуба на нем до земли,
Иван скажет: „спать хочу“,
А Марьюшка: „и я с тобой“,
Иван скажет: „кровать узка“,
Марьюшка скажет: „уляжемся“,
Иван скажет: „шуба нова“,
Марьюшка скажет: „я молода!“
То Ивану песенка,
С белою лебедушкой,
С Марьею Ивановной.

[Свадебная (величальная) Тульской губернии].

Глава IV.

Счастливые.

Пришел солдат с медалями,
Чуть жив, а выпить хочется:
„Я счастлив!“ говорит.
Ну открывай, старинушка,
В чем счастие солдатское?
Да не таись, смотри!
„А в том, во-первых, счастие,
Что в двадцати сражениях
Я был, а не убит!
А во-вторых, важней того,
Я и во время мирное
Ходил ни сыт, ни голоден,
А смерти не дался!

А в-третьих—за повинности,
Великие и малые,
Нещадно бит я палками,
А хоть пощупай—жив!“

Об этом облеченном в ироническую форму солдатском „счастье“ П. Кропоткин в своих воспоминаниях говорит: „Солдатская служба в то время была ужасна: она продолжалась двадцать пять лет. Стать солдатом значило навсегда оторваться от родной деревни и от родных, и находиться в полной власти у командира. Побои, розги, палки сыпались каждый день. Жестокость при этом превосходила все, что можно себе представить“ (П. Кропоткин. „Записки революционера“, изд. 1918 г., стр. 41). Это солдатское „счастье“ еще в 1863 г. послужило Некрасову темой для стихотворения „Орина, мать солдатская“, где в такой образной незабываемой форме показаны переживания забитого солдата эпохи Николая I.

Пришел с тяжелым молотом
Каменотес-олончанин
Плечистый, молодой и т. д.

Это место поэмы отмечается П. Якубовичем, как один из примеров некрасовских преувеличений. „В пьяную праздничную ночь, расположившись за деревней под густой липой, странники „перекликают клич“ в бродящей кругом подвыпившей толпе мужиков: „Нет ли где счастливого? На славу угостим!“ И вот с разными другими счастливцами „пришел с тяжелым молотом каменотес-олончанин“. Спрашивается, откуда и зачем взялся у него в такую пору молот? Конечно, он явился на сцену единственно для красоты слога...“ (Л. Мельшин-Якубович. Некрасов. Изд. 1907 г., стр. 70). Элементы гиперболизма, т. е. преувеличений, выходящих из пределов вероятного и возможного, историки литературы находили в ряде произведений Некрасова, но в данном

случае эта гипербола до некоторой степени оправдана сказочными элементами в поэме. Некрасову этот каменотес-олончанин понадобился для противопоставления: вслед за этим идет замечательный по своей художественной силе рассказ рабочего-строителя Трофима, ставшего жертвой хитрого подрядчика.

Рассказ строительного рабочего Трофима, потерявшего трудоспособность и ставшего инвалидом, заканчивается его отъездом в деревню. В этом он находит свое „счастье“.

„Ну так мы и доехали,
И я добрел на родину,
А здесь, по божьей милости,
И легче стало мне...“

Связь рабочих с деревней являлась характерной чертой для многих категорий пролетариата первых десятилетий пореформенного периода, а для рабочих-строителей—в особенности. Но и двадцать лет спустя после появления поэмы Некрасова для рабочих-инвалидов эта связь была своеобразным „счастьем“ при полном отсутствии социального страхования. В рассказе В. Вересаева „В сухом тумане“ (1898 г.) рабочий-литейщик на вопрос, на что ему деревенское хозяйство, отвечает: „Вы этого, господин, не понимаете... Как на что? Чуть что коснись, скажем, работы нет, скажем, заболел, стар стал,—куда денешься? На улице помирать? А тут все-таки свой угол, сыт не будешь, так с голоду не помрешь“ (Вересаев. Полное собр. соч., т. II, изд. 1913 г., стр. 40).

Рассказ бывшего дворового, который кичится тем, что был „любимым рабом“ у князя Шереметьева, весь построен Некрасовым в плане едкой сатиры на неизжитое холопство некоторых бывших дворовых людей.

Не вашей подлой хворостью,
Не хрипотой, не грыжею—
Болезнью благородною,
Какая только водится
У первых лиц в империи,
Я болен, мужичье—
По-да-грой именуется! и т. д.

В этом месте главы „Счастливые“ Некрасов вскрывает психологическую особенность части дворовых людей, непосредственно обслуживающих своих бар: гордость и хвастовство пороками своих господ.

Последующим писателям оставалось только дальнейшее развитие темы, связанной с психологией холопства вообще. В рассказе А. Серафимовича „Мышиное царство“ бывший швейцар богатого дома восхищенно говорит: „Вот граф Недоносков-Погуляй, так у него три любовницы в трех концах города. Дескать, куда ни поедет, везде может время приятно провести. Поедет из театра, из театра тут недалеко, пожалуйте. Поедет на заседание, здесь же возле. Поедет за город, ворочается, зараз уж ждут“.

Для полного уничтожения ненавистного ему неизжитого рабства, Некрасов в конце главы показывает этого дворового лакея бегущим после порки за воровство.

„Вишь побежал, как встрепанный!“
Шутили наши странники,
Узнавши в нем балясника,
Что хвастался какою-то
Особенной болезнию
От иностранных вин:
„Откуда прыть явилася!
Болезнь ту благородную
Вдруг сняло как рукой“.

Исследователь положения общественных классов, останавливаясь особо на категории лиц, „не создающих новых общественных материальных ценностей“, приходит к выводу, что „все эти слои могут иметь определенное тяготение к тому или иному классовому полюсу“.

„Прислуга богатого дома (горничная, лакей, швейцар) вся пропитана интересами своих „господ“. Несмотря на зависимое и приниженное положение, у такой прислуги нельзя вскрыть ни одного атома пролетарской психологии, пролетарского настроения. К бездомнику-пролетарию какой-нибудь важный „швейцар“ богатого дома питает глубочайшее презрение“ (С. Солнцев—Общественные классы, 2-е издание, 1923 г., стр. 212). Так и бывший дворовый человек графа Шереметьева, в поэме Некрасова, питает презрение к простым крестьянам, считая их „мужичьем“.

История Ермила Гирина занимает более половины главы „Счастливые“. Ермил Гирин, как защитник крестьянских интересов, противопоставлен купцу Алтынникову. Вся история поддержки Гирина крестьянами при торгах на мельницу показана Некрасовым в ярко развернутой картине.

Поражение Алтынникова на торгах и торжество Ермила Гирина, поддержанного крестьянами, замыкается сгущенно-идеализированной сценой.

Глядеть весь город съехался,
Как в день базарный—пятницу,
Через неделю времени,
Ермил на той же площади
Расчитывал народ.
Упомнить где же всякого?
В ту пору дело делалось
В горячке, второпях!
Однако, споров не было,
И выдать гроша лишнего
Ермилу не пришлось.
Еще—он сам рассказывал —
Рубль лишний, —чей, бог ведает! —
Остался у него.
Весь день с мошной раскрытою
Ходил Ермил, допытывал,
Чей рубль? да не нашел.

Этот гиперболизм, призванный укрепить веру в великие, мирские общинные начала, живущие в крестьянине, оправдывался всем первым периодом революционного народничества эпохи „Земли и воли", когда еще оставалась неизжитой идеализация крестьянства как целого.

Если искать сходства чисто формального характера, не вникая в существо дела, то можно привести один эпизод из жизни нижегородского капиталиста Бугрова, как будто напоминающий борьбу Ермила Гирина на торгах. Об этом эпизоде с Бугровым рассказал Мельников-Печерский в „Отчете о современном положении раскола". Из данного отчета и берет этот эпизод биограф писателя — П. Усов. Капиталист Бугров стремился получить подряд на перевозку казенной соли из нижегородских оптовых магазинов. Члены соляной комиссии знали, что Бугров спустит цены, а потому сделали так, что у Бугрова в решительный момент не оказалось при себе денег. „Бугрову в этот день приказали явиться в строительную комиссию за получением залога, продержали там до половины двенадцатого часа и затем объявили, что залога он не может получить ранее следующего дня. Оставалось только полчаса до переторжки. Бугров опрометью бросается на Нижний Базар и там, сказав торговцам: „Братцы, давайте денег скорей", снял перед ними свой малахай. Через четверть часа в малахай было накидано 7000 рублей серебром, с которыми Бугров и поспел на переторжку во время, и поставка осталась за ним" (Мельников-Печерский, т. I, изд. 1897 г., стр. 154).

Эта история вошла в первую главу романа Мельникова-Печерского „В лесах", где Бугров выводится под именем Потапа Максимовича Чапурина. Первоначально первая часть романа печаталась под названием „За Волгой" в „Русском Вестнике", 1868 г., кн. 6, 7,10, 12.

Сопоставляя текст из романа Мельникова с отдельными моментами из истории Ермила Гирина, можно установить некоторое сходство в построении такой сцены:

„Получаса не прошло, семь тысяч в шапку ему накидали. „Будет, будет!...—кричит Потап Максимыч — вот спаси Христос“ („В лесах“, гл. I).

Уж сумма вся исполнилась,
А щедрота народная
Росла: „Бери, Ермил Ильич, —
Отдашь, не пропадет! . . . .
(Гл. IV, „Счастливые“).

И все же это сходство совсем не дает права говорить, что история с покупкой мельницы основана „на подлинном факте“, как утверждает К. Чуковский. Во-первых, Бугров покупает не мельницу, а подряд на перевозку казенной соли, во-вторых, на этом подряде умело спускает цены, а Ермил Гирин в борьбе с Алтынниковым вынужден их поднимать, в-третьих, Бугров взывает к торговой буржуазии, а Ермил Гирин—к крестьянству, в четвертых, и это главное, Бугров был крупный капиталист-спекулянт, умерший обладателем семи миллионов и владельцем лесных богатств на 14 миллионов рублей, Ермил Гирин — защитник крестьянских интересов, проявивший полное бескорыстие, будучи сельским писарем, а как арендатор мельницы Ермил Гирин „брал за помол по совести“.

Таким образом между „подлинным фактом“ и поэтическим вымыслом Некрасова не остается ничего общего кроме слабого формального сходства. К. Чуковский в примечаниях к шестому изданию Некрасова внес в это сопоставление правильную существенную оговорку, которой не имелось в первых пяти изданиях.

Литературным предтечей Ермила Гирина был для Некрасова справедливый бурмистр Потанин в повести „Тонкий человек“. Эта повесть написана Некрасовым в 1853 г., но только начало ее было помещено в „Современнике“ в 1855 г. В своем полном виде повесть „Тонкий человек“ опубликована К. Чуковским в 1928 г. (изд. „Федерация“). Бурмистр, т.-е. управитель имением

при крепостном праве, Потанин в пятой главе повести изображен человеком исключительной праведности; крестьяне при его управлении благоденствуют. Имение, которым правит Потанин, называется Адовщиной. Об этой же Адовщине говорится и в поэме. Только, в отличие от Потанина, прежде чем стать бурмистром, Ермил Гирин был писарем в конторе „Юрлова князя вотчины". Также как и Потанин, ставши бурмистром, Ермил Гирин „в семь лет мирской копеечки под ноготь не зажал". Даже число крестьян, подвластных Гирину и Потанину, то же самое — шесть тысяч душ. Но между Потаниным и Ермилом Гириным существенная разница, на которую указывает и К. Чуковский: „Раньше всего Некрасов сделал его почти бедняком. Этот писарь бессребренник, державший сиротскую мельницу, едва ли мог бы похвалиться такими „важными капиталами", какими обладал Потанин" (Вступительный очерк к повести Некрасова „Тонкий человек", изд. 1928 г., стр. 18). Кроме того, вместо старого патриархального бурмистра, каким является Потанин, — в поэме дан молодой человек, который в борьбе с Алтынниковым должен проявить большую энергию. Эта молодость Ермила Гирина и вообще весь его образ отвечает вполне сложившемуся мировоззрению поэта. В 1853 — 1855 году Некрасов находился еще под влиянием неизжитых идей дворянского либерализма. Недаром управление праведного бурмистра Потанина приводит к идиллической гармонии крестьянских и помещичьих интересов. Будучи в последующие годы выразителем идей разночинной демократии, выражавшей интересы крестьянства, Некрасов возлагает свои надежды на борьбу молодежи за революционный путь расширения основ мелкого крестьянского хозяйства.

Но в отличие от Потанина Ермил Гирин лишен цельности характера. Некрасов внес в образ Гирина те черты раздвоения и муки больной совести, которые были характерны как для него самого (стих. „Рыцарь

на час", „Неизвестному другу" и друг.), так и для некоторых, изображенных им в других произведениях, персонажей. У Потанина было три сына. И когда вышла очередь итти его третьему сыну в солдаты, то, несмотря на стремление крестьянского мира оказать услугу любимому бурмистру и отправить в солдаты вместо его сына— Михеева сына Силантия, бурмистр Потанин рассердился и без колебаний отправил в солдаты своего Григория.

В поэме „Кому на Руси" дело обстоит иначе:

Был случай, и Ермил мужик
Свихнулся: из рекрутчины
Меньшого брата Митрия
Повыгородил он.

А дальше изображаются те „язвы совести больной", которые вообще были знакомы и самому Некрасову.

Так что же? Сам Ермил,
Покончивши с рекрутчиной,
Стал тосковать, печалиться,
Не пьет, не ест: тем кончилось,
Что в деннике с веревкою
Застал его отец.

Некрасов подробно останавливается на покаянных муках Ермила, внося во всю эту картину элементы мелодраматизма, т.-е. сгущенного преувеличения чувства. Мотив покаяния у Некрасова — один из излюбленных. Даже в сатирической поэме „Современники" биржевик Зацепа, сын которого покончил с собой, является кающимся в своих прегрешениях.

Но в общем Ермил Гирин остается у Некрасова до конца представителем крестьянской демократии. История о нем обрывается рассказом о крестьянских волнениях в „Испуганной губернии, уезда Недыханьева, деревня Столбняки". Сама поэтика этих названий говорит о крестьянской пришибленности.

До сей поры неведомо
Ни земскому исправнику,

Ни высшему правительству,
Ни Столбнякам самим,
С чего стряслась оказия,
А дело вышло дрянь.

Вскоре после объявления манифеста 1861 г. крестьянские волнения начались повсеместно, ибо крестьяне ожидали немедленной полной воли, а вместо этого их окутали сетью обязательств по отношению к помещикам. „Убедить же крестьян, что вчерашняя крепостная барщина и вчерашний крепостной оброк, сегодня, когда объявлено Положение, уже есть плата за землю — было довольно мудрено“ (И. Игнатович. Волнения помещичьих крестьян от 1854—1863 г. „Мин. Годы“, 1908 г., кн. 7).

В данном месте поэмы Некрасов, оставаясь в пределах Северного края и отчасти промышленного центра, мог иметь в виду те волнения, которые происходили в этих районах. „Из наиболее замечательных случаев волнений и беспорядков, происходивших во второй половине 1861 г., следует упомянуть о следующих: во Владимирской губ., в имении помещика Казакова, Покровского уезда, крестьяне не хотели исполнять повинностей, считая их обременительными; когда же временное отделение земского суда распорядилось об арестовании и наказании главного возмутителя, крестьяне всем миром, вместе с понятыми, оказали явное сопротивление“ (А. Попельницкий „Как было принято положение 19 февраля крестьянами“, Современ. Мир, 1911 г., кн. 2, стр. 19).

Таким образом тип „главного возмутителя“, опирающегося на доверие крестьян, был жизненной реальностью. В поэме события развертываются так:

Потребовалось воинство;
Сам государев посланный
К народу речь держал:
То руганью попробует
И плечи с эполетами
Подымет высоко;
То ласково попробует, —

Да брань была тут лишняя,
А ласка непонятная:
„Крестьянство православное,
Русь-матушка! Царь-батюшка!“
И больше ничего!

Здесь Некрасов отмечает всю штампованность увещаний присланных царских генералов. Вся изображаемая картина этого увещания очень напоминает одно из крестьянских волнений именно в Ярославской губернии, в имении Мусина-Пушкина и в имении Арнаутова Угличского уезда, куда был послан генерал-лейтенант Дубельт. Дубельт, так же как и генерал в поэме Некрасова, действовал то руганью, то лаской. Историк говорит о „тактичности“ Дубельта. Недаром этот генерал в своих донесениях писал, что на 14 волнений, происшедших в течение 4 месяцев в Ярославской губ., в 11 ему удалось подействовать на крестьян убеждением. Что касается указанных выше двух волнений, то дело происходило так: „В первом волнении, где на сход явилось до 800 человек, Дубельт грозил постоем солдат с возложением на крестьян всех расходов по содержанию и доставке военной команды из города, при чем подробно исчислил крупную сумму, которую взыскали бы в этом случае с крестьян. Угроза подействовала и крестьяне смирились. Второе волнение было крупнее по размерам и формам. На сход, куда явился Дубельт для убеждений и разъяснений, сошлось до 1200 человек. Когда Дубельт пытался арестовать 5 человек крестьян, характеризованных ему как зачинщики, крестьяне бросились к Дубельту, окружили его, осыпали бранью и готовы были избить. Дубельту удалось благополучно выбраться из толпы и уехать в Ярославль“ (И. Игнатович, Волнения помещичьих крестьян от 1854 по 1863 г. „Минувшие Годы“, 1908 г., кн. 7, стр. 87).

Изображая волнение крестьян, Некрасов ставит вынужденные точки там, где надо рассказать подробно, как

Ермил Гирин попал в острог за защиту интересов крестьянства.

В образе Ермила Гирина Некрасов показал более нижний пласт мелкобуржуазной демократии даже сравнительно с разночинной интеллигенцией. Такие, вышедшие из недр деревни, выразители интересов трудового крестьянства в 70-е годы считались еще единицами, но через сорок с лишним лет после написания первой главы это уже была новая интеллигенция, вышедшая из деревень обширной страны. В. Г. Тан в 1913 г. писал об этом коллективном Ермиле Гирине, как о новом явлении: „Всего интереснее люди крестьянского звания, пришедшие снизу. Имя им легион. Они заполнили средние области жизни и даже покушаются на высшие, особенно в провинции. Техники, счетчики, агрономы, учителя, всякие земские служащие. Все они похожи друг на друга. Серые с лица, широкие с кости, нескладные с виду. . . Жизнь, очевидно, шагнула еще на ступень, ибо мы, разночинцы, сравнительно с ними так же, как были дворяне сравнительно с нами“ („Речь“, 1913 г., 1 января).

В своей статье „Новая демократия“, цитируя эти слова В. Тана, В. И. Ленин, в исторической перспективе того времени, говорит: „Метко и верно сказано, хотя не следует забывать, что и старые разночинцы и новые „крестьянского звания“, демократическая интеллигенция и полуинтеллигенция — представляют из себя буржуазию в отличие от дворян крепостников.

Но буржуазия бывает разных слоев, которым свойственны разные исторические возможности. Верхам буржуазии и богатой буржуазной интеллигенции: адвокатам, профессорам, журналистам, депутатам и т. д. почти везде свойственно тяготение к союзу с Пуришкевичами. С ними связывают эту буржуазию тысячи экономических нитей. Напротив, крестьянская буржуазия и новая „крестьянского звания“ интеллигенция тысячами нитей свя-

зана с массами бесправного, забитого, темного голодного крестьянства и по всем условиям жизни враждебна всякой пуришкевичевщине, всякому союзу с ней" (Ленин, изд. 1-е, т XII[2], стр. 21-22).

Глава V.

Помещик.

Соседнего помещика
Гаврилу Афанасьича
Оболта-Оболдуева
Та троечка везла.
Помещик был румяненький,
Осанистый, присадистый,
Шестидесяти лет;
Усы седые длинные,
Ухватки молодецкие,
Широкие штаны.

Начиная с этой портретной обрисовки помещика Обалдуева, кончая его родословной, при которой упоминается, как предок Обалдуева—князь Щепкин с Васькой Гусевым

Пытал поджечь Москву,
Казну пограбить думали,
Да их казнили смертию,

все выдержано Некрасовым в чисто сатирическом плане. По существу между помещиком-либералом Агариным из поэмы „Саша" и Обалдуевым из поэмы „Кому на Руси" нет разницы. Обалдуев—это обнаженная от всяких покровов картина дореформенного помещичьего бытия.

Об этом облике помещика у Некрасова В. Ленин писал: „Еще Некрасов и Салтыков учили русское общество различать под приглаженной и напомаженной внешностью образованного крепостника-помещика его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушность подобных типов" (В. Ленин, т. VIII, изд. I-е, стр. 43).

Французу не привидится
Во сне—какие праздники,
Не день, не два—по месяцу
Мы задавали тут.
Свои индейки жирные,
Свои наливки сочные,
Свои актеры, музыка;
Прислуги—целый полк! И т. д.

Эта помещичья широта жизни в эпоху крепостного права нашла свое частичное изображение в повести Кугушева „Корнет Отлетаев“ еще в пятидесятые годы („Русский Вестник“, 1856 г., кн. 3 и 4). В части второй гл. VII этой повести дано описание барской усадьбы со всеми особенностями помещичьей роскоши. На вопрос—„у вас своя музыка?“—прожигатель жизни помещик Отлетаев отвечает: „Три: духовая, роговая и инструментальная, хор певчих, труппа драматическая, балет,—одним словом все, что только можно себе представить“.

Бывало в осень позднюю
Леса твои, Русь матушка,
Одушевляли громкие
Охотничьи рога.
Унылые, поблекшие,
Леса полураздетые
Жить начинали вновь;
Стояли по опушечкам
Борзовщики-разбойники,
Стоял помещик сам. И т. д.

Помещик Оболдуев прославляет далее охоту, как потеху, которая не забудется „ни во веки веков“. В историко-бытовой литературе прошлого эта помещичья забава описана достаточно подробно. В записках Я. Неверова рассказывается о жизни богатого нижегородского помещика Кошкарова. „Большинство лакеев были вместе с тем и псовыми охотниками, т. е. когда барин выезжал в поле, надевали охотничьи костюмы, садились на коней и провожали его на охоту... Когда Кошкаров задумает

бывало ехать на охоту, то призывается ловчий, с которым ведется совещание, куда именно скакать. Избрав место охоты, Кошкаров дает приказание собираться,— и тогда ловчий надевает охотничий костюм, берет трубку и, выйдя на крыльцо, долго трубит, давая тем знак к сборам. По первому же звуку трубы конюший собирает лошадей, псари ведут собак, а охотники в живописных костюмах садятся на лошадей, и подается для Кошкарова коляска, за которой едет верхом конюший, держа под узды барскую верховую лошадь. Когда барин готов, то ловчий снова трубит, и охотники выстраиваются в ряд и, как только выйдет Кошкаров и сядет в коляску, то вся эта кавалькада с песнями отправляется в путь; возвращение совершается при такой же торжественной обстановке". (Записки Я. М. Неверова. „Страницы из истории крепостного права". „Русская Старина", 1883 г., кн. II, стр. 443—444).

Зато скажу, не хвастая,
Любил меня мужик!
В моей Сурминской вотчине
Крестьяне все подрядчики:
Бывало дома скучно им,
Все на чужую сторону
Отпросятся с весны...

И далее Обалдуев говорит о тех подарках, которые привозили крестьяне-отходники из различных городов обширной страны.

Это особенное развитие отхожих промыслов, разумеется, не от скуки, а от нужды, является характерной особенностью Ярославской и примыкающих к ней губерний. На основании обширных изученных им материалов А. Гакстгаузен сообщает: „Но самый большой источник богатства этой губернии заключается в выходе большого числа жителей на заработки в другие губернии". Называя крестьянина-отходника термином „промышленник", А. Гакстгаузен продолжает: „странствующий русский

промышленник даже вовсе не ограничивается каким-нибудь одним промыслом: он знает все промыслы, по крайней мере много промыслов, пробует тот, другой, третий, и останавливается на том, который обещает ему больше удачи. Несколько лет тому назад таких людей считалось в Ярославской губ. от 120-130 тысяч; многие из них, конечно, возвращались через несколько месяцев или через год побывать на родине, но многие остаются на чужой стороне по нескольку лет и даже на всю жизнь, хотя и продолжают числиться в общинах. К последнему классу принадлежит наверное более 50 тысяч человек в Ярославской губернии. Как на образчик непомерно многочисленного передвижения я могу указать на Юхотскую вотчину графа Шереметьева. В общине считается 9500 мужских душ, но из них только 2000 душ живут на месте, все остальные промышляют по паспортам в Москве, Петербурге и др.“ (А. Гакстгаузен. „Исследование внутренних отношений народной жизни“, изд. 1869 г., стр. 125—126).

Сословье благородное
Как будто все попряталось,
Повымерло! Куда
Ни едешь, попадаются
Одни крестьяне пьяные,
Акцизные чиновники,
Поляки пересыльные,
Да глупые посредники. И т. д.

Польское восстание 1863—1864 г. было подавлено в половине 1864 г. Таким образом „поляки пересыльные“, о которых говорит помещик Оболдуев, могли появиться в пределах Ярославской губ. и смежных с ней во второй половине 1864 г.. Ссыльных поляков было в общем около 70 тысяч человек, из них часть была выслана в центральную и северную части России. Упоминание о пересыльных поляках дает возможность установить, что Некрасов писал эту главу поэмы не ранее начала 1865 г. По

сообщению К. Чуковского над одним из вариантов главы „Помещик“ как раз и стоит этот год.

„Глупые посредники“, упоминаемые Оболдуевым—это мировые посредники, на которых было возложено устройство отношений между освобожденными крестьянами и их помещиками. Некоторая часть мировых посредников первого призыва, хотя далеко не вся, была настроена благожелательно к крестьянам, потому Некрасов и влагает в уста раздраженного крепостника Обалдуева слово „глупые“ по адресу ненавистных помещику должностных лиц.

Жалоба Обалдуева на „дворянское оскудение“ и его скорбь по ушедшим крепостным временам дана в развернутой картине помещичьего благоденствия в прошлом и усадебного запустения после освобождения крестьян.

Картиной возмутительной,
Что шаг—ты поражен:
Кладбищем вдруг повеяло,—
Ну, значит, приближаемся
К усадьбе... Боже мой!
Разобран по кирпичику
Красивый дом помещичий
И аккуратно сложены
В колонны кирпичи! И т. д.

Но это „оскудение“ постигло лишь одну группу помещиков, в то время как другая часть оказалась достаточно сильной и приспособленной к новой экономической формации.

Помещики таких губерний как, например, Ярославская, где землевладельцы жили не барщинным трудом крестьян, а главным образом тем оброком, который платили крестьяне-отходники, не могли развить земледелия на новых основах, ибо сама земля в их поместном обиходе не играла решающей роли. Отсюда восклицание Обалдуева:

А нам земля осталася...
Ой ты, земля помещичья!
Ты нам не мать, а мачиха
Теперь...

Это восклицание Обалдуева о „земле мачихе" говорит о том, что не только мотовство помещиков его типа, но и объективные причины после падения крепостного права вели к „оскудению" дворянства. В частности о Ярославской и смежных с ней губерниях, представляющих полосу нечерноземную, историк говорит: „Обрабатывать свои земли здесь было трудно, так как промышленное население не легко было нанять на земледельческие работы, ибо оно легко находило заработок на стороне и очень мало было заинтересовано в найме на сельско-хозяйственные работы. Таким образом большая часть помещиков этих губерний принуждена была здесь ликвидировать свое помещичье хозяйство и употребить полученные капиталы, если они не были просто прожиты, на какие-нибудь промышленные цели" (А. Корнилов. Курс русской истории XIX в., ч. II, изд. 1918 г., стр. 195).

Скажу я вам, не хвастая,
Живу почти безвыездно
В деревне сорок лет,
А от ржаного колоса
Не отличу ячменного.

П. Якубович видел в этом заявлении Обалдуева преувеличение, а следовательно неправдоподобие. Но дело не в сорока годах, которые можно отнести к обычному гиперболизму у Некрасова, а в самой возможности полного помещичьего равнодушия к сельскому хозяйству. В романе Гончарова, Обломов также в разговоре с Иваном Матвеевичем, братом Пшеницыной, говорит: „я не знаю, что такое барщина, что такое сельский труд, что значит бедный мужик, что богатый; не знаю, что значит четверть ржи или овса, что она стоит, в каком

месяце и что сеют и жнут, как и когда продают“ (Гончаров. „Обломов“, Гос. Изд., 1927 г, стр. 500).

И так как это место романа Гончарова вызывало такие же сомнения, как и слова Обалдуева из поэмы Некрасова, то вполне основательно историк литературы Н. К. Пиксанов для рассеяния этих сомнений приводит одно место из воспоминаний И. Гончарова о симбирском помещике Якубове: „Когда я спрашивал Якубова о его хозяйстве, о посевах, умолоте, количестве хлеба, даже о количестве принадлежащей ему земли и о доходах— „А я не знаю, друг мой,—говаривал он, зевая,—что привезет денег мой кривой староста, то и есть“ (И. Гончаров, т. XII, „На родине“, изд. 1899 г., стр. 66).

Порвалась цепь великая,
Порвалась, расскочилася:
Одним концом по барину,
Другим по мужику!..

Эти заключительные строки первой части поэмы часто цитировались различными публицистами прошлого. Обалдуевы—это категория помещиков, по которой наиболее ощутительно ударила порвавшаяся цепь. „Страдающим лицом в этом перераспределении явилось дворянство, заплатившее ценою 24 мил. десятин земли за свою неприспособленность к новым условиям сельского хозяйства, наступившим со времени реформы; потеря права на даровой крепостной труд, отсутствие капитала были объективными причинами—помимо личных—постепенного вытеснения из землевладельцев-дворян некоторой группы земельных собственников, оказавшихся несостоятельными“ (П. Лященко. „Мобилизация землевладения в России“, „Русская Мысль“, 1905 г., кн. I, стр. 54).

Вторая часть.

Крестьянка.

Связь поэмы Некрасова с устным творчеством (фольклором) особенно широко сказывается в части второй—„Крестьянка“. Для того, чтобы исчерпать весь фольклорный материал, имеющий отношение к этой части, понадобился бы комментарий очень подробный. Мы здесь возьмем только самое существенное. Но это существенное приходится взять уже потому, что над поэмой „Кому на Руси“ часть враждебной Некрасову критики 70-х годов глумилась, обвиняя великого поэта в незнании народной жизни и сочинительстве. Образцы этой невежественной критики украшают, например, такие приспособленные для учебной цели дореволюционные сборники, как критическая хрестоматия Зелинского (3 часть, три издания) и В. Покровского (2-е изд. в 1915 г.), где даны отрывки из статей Буренина, Страхова и др. злопыхателей, воображавших себя бо́льшими знатоками крестьянской жизни, чем Некрасов. А между тем Некрасов для своей поэмы использовал такие, можно сказать, классические собрания устного творчества, как сборники Рыбникова, Шейна, Барсова—„Причитания северного края“, Варенцова, Якушкина, сказки Афанасьева, сборники пословиц Даля и друг.

При этом необходимо сделать одно существенное указание. Некрасов примыкал к идеологам крестьянской мелко-буржуазной демократии 70-х годов, а потому его отношение к устному народному творчеству, вообще говоря, резко отличается от отношения к тому же материалу как представителей дворянской поэзии эпохи кризиса крепостного хозяйства (Пушкин),—так, например, и от отношения к „фольклору“ буржуазных поэтов—модернистов XX века. Восприятие чисто эстетическое, элементы которого у Некрасова имеются—отнюдь не стоит у него на первом плане. Интерес к содержанию преобладает.

Некрасов не останавливается перед тем, чтобы перерабатывать произведения устного творчества применительно к общественным заданиям близкой Некрасову разночинной демократии. Отсюда выбор тех, а не иных песен, легенд, бытовых анекдотов; отсюда — подчеркивание в них классового момента, в подлинном устном творчестве иногда лишь слабо намеченного.

Дабы при всех последующих сопоставлениях не приводить каждый раз полного заглавия источников, которыми пользовался Некрасов, перечислим их здесь.

Афанасьев А., Народные русские сказки, М. 1859—1863, 8 вып. (2-е изд. 1873 г., ныне имеется 4-е изд. под редакцией А. Грузинского, М. 1913—1914 гг., в 5-ти томах); Афанасьев, Народные русские легенды, М. 1859 (новое издание—Казань, 1914); Рыбников, Народные песни, М. 1861—1867, 4 тт., (переиздано в 1909—1910 гг. „Песни, собранные П. Н. Рыбниковым“, изд. 2-е, под ред. А. Грузинского, в 3-х томах: первые два тома заняты былинами, песенный материал в 3-м томе); Даль, Толковый словарь живого великорусского языка (1-е изд. 1861—1862 гг., издание 4-е, под редакцией проф. И. Бодуэна де-Куртенэ, СПБ, 1914 г., 4 тома); Даль, Пословицы русского народа, М. 1862 г. (3-е издание, без перемен, Вольфа, в 4 томах, 1904); Шейн, Русские народные песни, ч. I. М. 1870 (известная часть материала, содержащаяся в этом сборнике, перепечатана затем в большом сборнике-своде А. И. Соболевского „Великорусские народные песни“, 7 томов, СПБ. 1895—1902 г.; некоторая часть вошла также и в позднейший сборник самого Шейна—„Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях“, СПБ. 1898); Барсов, Причитания северного края, ч. I, М. 1872 и др.

Загадки и пословицы в прологе части „Крестьянка“.

Ржаные колосья.

Уж налились колосики,
Стоят столбы точеные,
Головки золоченые...

Садовников—Загадки русского народа. Изд. 1901 г. № 1285.

На поле Ногайском,
На рубеже татарском,
Стоят столбы точеные,
Головки золоченые (Рожь).

Там же. Пшеница.

Пшеница их не радуот:
Ты тем перед крестьянином,
Пшеница, провинилася,
Что кормишь ты по выбору.
Зато не налюбуешься
На рожь, что кормит всех.

Даль, Словарь III, 1434:
Пшеничка по выбору кормит, а матушка рожь всех дураков сплошь.

Критик „Русского Мира“ (1874 г. № 57), статья которого также перепечатана в популярном историко-литературном сборнике В. Покровского („Некрасов“, изд. 2-е, 1915 г., стр. 414—418) при всей самоуверенности обнаруживает свое невежество, когда говорит: „Пшеница кормит по выбору—рожь кормит всех. Все это, конечно, выдумал для мужиков поэт: самим крестьянам такой вздор в голову не полезет“.

Там же. Горох.

Горох, что девку красную,
Кто ни пройдет—щипнет!
Теперь горох у всякого,
У старого, у малого,
Рассыпался горох
На семьдесят дорог!

Даль, Словарь 1, 912:

Завидны девка в доме да горох в поле: кто ни пройдет — ущипнет. Горох в поле, что девка в доме: кто ни пройдет— всяк щипнет.

Садовников, Загадки, № 1852, в:

Рассыпался горох
На семьдесят дорог (Небо и звезды).

Там же. Свекла:

Такая свекла добрая!
Точь в точь сапожки красные,
Лежит на полосе.

Садовников, № 483, б:

Красненьки сапожки
В земельке лежат (Свекла).

В усадьбе той слонялися
Голодные дворовые,
Покинутые барином
На произвол судьбы.
Все старые, все хворые
И как в цыганском таборе
Одеты.

Мы уже говорили выше, при комментариях к одному месту части первой (глава „Сельская ярмарка“), о положении бывших дворовых после падения крепостного права. В „Прологе“ к „Крестьянке“ Некрасов дает развернутую картину бедственного положения дворовых в заброшенной барской усадьбе. Один старый народнический критик, вспоминая на закате дней своих прошлое, говорит о том, как первые годы после реформы, ожидая крестьянских волнений, „наиболее трусливые помещики в паническом страхе стекались в города, а то бежали и за границу“ (А. Скабичевский. Воспоминания. Изд. 1928 г., стр. 141). Что касается бывших дворовых, то подавляющее большинство этих безземельных пролетариев двинулись в большие промышленные центры. Отсутствие заработков на месте „принудило массу дворовых обоего пола броситься в города снискивать пропитание, чем и как придется“ (А. Скабичевский. Воспоминания, стр. 242).

Не то еще услышите,
Как до утра пробудете:
Отсюда версты три
Есть дьякон... тоже с голосом...
Так вот они затеяли
По своему здороваться
На утренней заре.
На башню как подымется
Да рявкнет наш: „Здо-ро-во ли
Живешь, отец Ипат?“
Так стекла затрещат!
А тот ему откуда-то:
„Здо-ро-во, наш соловушка!
Жду вод-ку пить!“—„И-ду!...“
Иду-то это в воздухе
Час целый откликается...
Такие жеребцы.

Образ диакона-забулдыги подан здесь в явно карикатурном виде. Но это доведение комизма до невероятных размеров — перекличка диакона с певцом Новоархангельским за три версты—подчинена определенной задаче: показать лишний раз духовенство в том виде, как оно представляется по приводимому нами выше отрывку из письма Белинского к Гоголю. В дополнение возьмем еще несколько слов из этого письма: „Большинство нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами... да диким невежеством“ (Белинский. Письма, т. III, изд. 1914 г., стр. 234).

Глава I.

До замужества.

„Мне счастье в девках выпало. . .
За батюшкой, за матушкой,
Как у Христа за пазухой
Жила я, молодцы“.

Ср. Шейн („Великорусс“, № 1645), причит. невесты в Новг. губ.:

Как жила я у тебя, кормилец батюшка и родима матушка,
А не слышала худого слова грубого .

Пора вставать, пора!
Пастух уж со скотиною
Угнался; за малиною
Ушли подружки в бор.
В полях трудятся пахари,
В лесу стучит топор.

В сборнике Рыбникова („Песни“, т. IV, изд. 1867 г.) есть источник этого обращения (указано у В. Еланской— О народно-песенных истоках творчества Некрасова. „Октябрь“, 1927 г., кн. 12, стр. 119).

Пора вставать да пробужатися;
По селам петухи поют,
По избушкам печки топятся,
По церквам-до богу молятся,
По часовенькам спасаются. (стр. 110).

В поэме Некрасова дальше такое обращение:

„Спи, милая касатушка,
Спи, силу запасай!
В чужой семье—не долог сон!
Уложат спать позднехонько,
Придут будить до солнышка. И т. д.

В сборнике Рыбникова (т. IV, стр. 11):

Спи-ка, милая касатая пастушка,
Про запас, про запасное времячко,
Ты будешь на чужой дальней ознобной сторонушке,
Не дадут там долго спать-выспаться;
Ввечеру уложат позднешенько,
По закат красно солнышко;
По утру разбудят ранешенько,
До восхода тепла красна солнышка;
Погонят тебя бедную
В лес по красные боровые ягодки. И т. д.

Далее у Некрасова благодарность жаркой бане:

Спасибо жаркой баеньке,
Березовому веничку. И т. д.

Ср. в сборнике Рыбникова (т. IV, стр. 115):

Спасибо тебе, теплопарная баенька,
На пару-жару, на мыльном щелоке!
Тебе спасибо, бела береза кудреватая,
На хорошем семишелковом веничке!

Отдельные образные выражения дальнейшего текста также восходят к устному творчеству. У Некрасова:

Я личиком разгарчива,
Я, матушка, догадлива,
Не тронь! уйди!

Ср. у Шейна (Русские народные песни. 1870 г., стр. 251):

Я бы рада целовать, мой друг, тебя,
Да мое лицо разгарчистое,
Разгорочется — не уймется. . . И т. д.

Да как я их ни бегала,
А выискался суженый
На горе—чужавин!
Филипп Корчагин—питерщик,
По мастерству печник.

Рассказ Матрены Тимофеевны вскрывает бытовые особенности крестьянской жизни Северного Поволжья.

Зимой пришел Филиппушка,
Привез платочек шелковый
Да прокатил на саночках
В Екатеринин день.

Массовый уход на промыслы ремесленников, подобных печнику Корчагину-питерщику, является характерной чертой Ярославской, Костромской и Владимирской губерний. „Большинство отходников привлекается неземледельческими промыслами и, главным образом, ремесленными, при чем главнейшим направлением движения рабочих являются повсеместно обе столицы". В некоторых местностях этих губерний „все мужское население с 12 лет уходит на сторону, оставляя в полном смысле слова „бабье царство". В Костромской губ. отхожие промыслы получили особенное развитие в Северозападной части, известной под названием „бабьей стороны", в уездах Солигаличском, Чухломском и Галичском... женщины здесь работают не только на дому и в поле, но весьма в нередких случаях отправляют общественные работы и обязанности" („Россия", т. I, Московская промышлен. область и Верхнее Поволжье. Изд. 1900 г., под редакцией П. Семенова, стр. 110 и 184—185).

Чужая-то сторонушка
Не сахаром посыпана,
Не медом полита!
Там холодно, там голодно;
Там холеную доченьку
Обвеют ветры буйные. И т. д.

Ср. в сборнике Рыбникова, изд. 2-е ч. III, стр. 81:

Как чужая дальня ознобна сторонушка
Не садачи она испосажена,
Не медами она наполивана,
Не сахаром, злодейка, пересыпана:
Испосажена люта ознобна сторонушка
Лютой неволею великою. И т. д.

Обращение Матрены Тимофеевны к Филиппу Корчагину также имеет источником устное народное творчество. У Некрасова—

Ах, что ты, парень, в девице
Нашел во мне хорошего?
Где высмотрел меня?
О святках ли, как с горок я
С ребятами, с подругами
Каталась смеючись? И т. д.

Ср. в сборнике Рыбникова, ч. III, (изд. 2-е), стр. 33—34:

Ты скажи-ка, чужой чужбинин,
Уж ты где меня повысмотрел,
Уж где ты меня повыглядел?
На горочке катаючись... и т. д.

(Свадебная, Петрозаводской губ. Талвуйской обл.).

Другой вариант этой песни в той же части III Рыбникова, стр. 79:

Скажи, где я прилюбилася?
В какое время приглянулася?
Я на горочке катаючись... и т. д.

Некрасов дает вольную передачу песни, снабжая отдельные моменты иной мотивировкой, чем та, которая имеется в устном творчестве.

Ах! кабы знать! Послала бы
Я в город братца-сокола:
„Мил братец! шелку гарусу
Купи семи цветов,
Да гарнитуру синего!“ и т. д.

Ср. в III части Рыбникова, изд. 2-е, стр. 74—75, № 55:

Где-то есть у молодешенькой
Сокол-братец родименький...
Ты сходи-ка, братец-сокол мой,
В постоянную конюшеньку,
Ты возьми-ка, братец-сокол мой,
Что ни лошадь самолучшую...
Поезжай-ка, братец-сокол мой,
Во главный город, во Вытегру,
Во лавочки, во торговые,
Закупи-ка, братец-сокол мой,
Гарнитуру мне-ка черного
И шелков семи разных цветов... и т. д.

Все сюжетное строение главы „До замужества“ дано на основе комбинированного поэтом устного народного творчества. У Некрасова:

Ты стань-ка, добрый молодец,
Против меня прямохенько,
Стань на одной доске!
Гляди мне в очи ясные,
Гляди в лицо румяное,
Подумывай, смекай:
Чтоб жить со мной, не каяться,
А мне с тобой не плакаться,
Я вся тут такова!

Ср. Рыбникова, т. III (изд. 2-е), стр. 79, к жениху:

Становись же, млад отецкий сын,
На одну со мной мостиночку,
На едину перекладинку,
Гляди в точь да в ясны очи,
Гляди впрямь да во бело лицо,
Чтобы жить тебе—не каяться,
Мне-ка жить бы да не плакаться.

Далее следует место, использованное Некрасовым ранее.

Глава II.

Песня.

У суда стоять —
Ломит ноженьки;
Под венцом стоять—
Голова болит;
Голова болит,
Вспоминается
Песня старая,
Песня грозная.
На широкий двор
Гости въехали,
Молоду жену
Муж домой привез,
А роденька-то
Как набросится! и т. д.

В. Еланская по поводу данной песни сообщает: „Этому тексту из главы II „Песня" нами найдены пять параллелей: У Рыбникова (т. III, стр. 446, № 7 хороводных песен), Якушкина (стр. 143), Варенцова—„Песни самарского края", (изд. 1862 г., стр. 95, песня 40), Студитского (стр. 159, песни „протяжные", № 46) и Шейна (ч. I-я, песни №№ 63 и 64). Все называемые сборники вышли в свет ранее появления „Крестьянки". Не предлагая текстов этих песен, сообщим результаты их сравнений. Ближе всего к тексту Некрасова—песни в сборнике Шейна (ч. I-я), под №№ 63 и 64, особенно последняя, наиболее сжатая по сравнению с предыдущими, не содержащими припева и перечисления членов мужской семьи. Путем небольшой хирургии из двух данных текстов Шейна легко получить сумму, поразительно сходную с текстом Некрасова. Кроме того у него переставлено родство: песни, начиная свекром, идут к более отдаленному родству—„меньшему"; Некрасов же, начиная деверьком—„меньшим", кончает „свекровушкой"—старшой. Текст его сравнительно сокращеннее: в каждом стихе—следы органического сжатия" (В. Еланская. О

народно-песенных истоках творчества Некрасова. „Октябрь“, 1927 г., кн. 12, стр. 123).

Матрена.

Спится мне младенькой, дремлется,
Клонит голову на подушечку;
Свекор батюшка по сеничкам похаживает,
Сердитый по новым погуливает.

Странники—хором.

Стучит, гремит, стучит, гремит,
Снохе спать не дает:
Встань, встань, встань, ты—сонливая!
Встань, встань, встань, ты—дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая! и т. д.

Ср. „Русские народные песни, собранные П. Шейном, ч. I, М. 1870 г. стр. 336—337 (№ 66 из разряда „голосовых или протяжных“). У Некрасова, повторившего запись Шейна буквально—отсутствует третья строфа соло и третий к ней припев хора.

Спится мне младешенькой, дремлется,
Клонит голову на подушечку,
Мил любезный по сеночкам похаживает,
Легохонько, тихохонько поговаривает.

Хор.

Спи, спи, спи, ты моя умница!
Спи, спи, спи, ты разумница!
Загонена, забронена, рано выдадена.

(Тверская губ.)

(Перепечатано и в других сборниках Шейна „Великорусс“ за № 833). Ср. вариант той же песни у Соболевского, т. II, № 568, стр. 488—489 (по записи Якушкина—Орловской губ.). Здесь сердитому свекру противопоставляется не мил-любезный, а родной батюшка.

И хором песню грянули
Про шелковую плеточку,
Про мужнину родню.

Мой постылый муж
Подымается:
За шелкову плеть
Принимается.

Х о р.

Плетка свистнула.
Кровь пробрызнула...
Ах! лели! лели!
Кровь пробрызнула...

Один из критиков того времени, Буренин, по поводу этой песни самоуверенно утверждал: „такого грубого реализма не обнаружит сам народ в своих безыскусственных песнях“. А между тем это песня—широко распространенная в устном творчестве. В своде Соболевского приводится 14 вариантов этой песни, район распространения—от Вологодской до Черниговской губ.; записи—от „Песенника“ 1780 г. до сборника 90-х годов. Среди вариантов имеется и записанный в Галичском уезде, Костромской губ., но он дальше от некрасовского текста, чем вариант вологодский. Этот вологодский вариант был напечатан еще в некрасовском журнале „Современник“ 1864 г., т. CIII, статья Вл. Александрова „Деревенское веселье в Вологодском уезде“, стр. 179—193. Это еще более оттеняет невежество и легкомыслие литературных критиков типа Буренина, которые плохо следили даже за журналистикой своего времени. А между тем историк публицист С. Шашков—один из последователей Чернышевского и Добролюбова, в своей работе „История русской женщины“, вышедшей первым изданием в начале 70-х годов, цитирует статью Вл. Александрова из „Современника“ и приводит указанный вологодский вариант этой песни. Живучесть ее является для С. Шаш-

кова доказательством неизжитости грубых домостроевских нравов в крестьянской среде (С. Шашков. Соч., т. I, изд. 1896 т., стр. 772—73). Любопытно, что в большинстве вариантов, а в том числе и в вологодском, имеется вступление, опущенное Некрасовым и дающее известную мотивировку побоев, наносимых молодой жене мужем и его родней. Из этого вступления видно, что жена, разлюбив постылого мужа, украдкой завоевывает себе право на свободу чувства, за что и терпит от него.

Мой постылый муж за столом сидит,
За столом сидит, хлеб-соль трескает.
Тебе хлеб да соль, мой постылый муж!
Мой постылый муж да подвимается,
За шелкову плетку принимается. И т. д.

Далее полное соответствие с некрасовским текстом, в котором отсутствует, однако, заключение песни:

Вот я тут млада взмолилася,
Милой ладушке да поклонилася:
Милый ладушка, прости меня,
Прости меня, виноватую!

Заключение имеется и в тех вариантах, где вступительная мотивировка (гульба жены с милым дружком) отброшена и где виной жены является просто, то, что она „угрюмая, невеселая, непокорная, непоклонная“ (см., например, Соболевского, № 591).

Как писаной был Демушка!
Краса взята у солнышка,
У снегу белизна,
У маку губы алые,
Бровь черная у соболя,
У соболя сибирского,
У сокола глаза!

Ср. Рыбникова, Песни III (изд. 2-е), стр. 38, № 22 (из цикла свадебных: поет плакальщица, славя жениха):

Красота взята от солнышка,
Белизна-то от бела снега...
Щечки-то от мака от красного,
Очи ясные—ясна сокола,
Ясна сокола заморского,
Брови черны черна соболя,
Черна соболя сибирского...

Глава III.

Савелий богатырь святорусский.

„Отменно драл Шалашников,
А не ахти великие
Доходы получал!
Сдавались люди слабые,
А сильные за вотчину
Стояли хорошо.
Я тоже перетерпливал,
Помалчивал, подумывал:
„Как ни дери, собачий сын,
А всей души не вышибешь,
Оставишь что-нибудь!“ и т. д.

По поводу этого своеобразного отстаивания своих крестьянских прав, выдерживая тяжесть порки, Г. Плеханов замечает: „Сознание народа определяется образом его жизни. Экономическая основа русского царизма—прикрепление крестьян к земле, которая, в сущности, принадлежала государству, хотя и находилась в пользовании отдельных общин, была, как две капли воды, похожа на тот экономический фундамент, на котором покоились деспотии древнего Востока. Неудивительно, что нравы и взгляды русского народа тоже имели очень заметный восточный оттенок. „Святорусский богатырь“ Савелий („Кому на Руси жить хорошо“)—типичный крестьянин Востока“. (Г. Плеханов, т. X, стр. 393).

Стояли мы голодные,
А немец нас поругивал,
Да в яму землю мокрую
Пошвыривал ногой.
Была уж яма добрая...
Случилось я легонечко
Толкнул его плечом,
Потом другой толкнул его,
И третий ... Мы посгрудились,
До ямы два шага...
Мы слова не промолвили,
Друг другу не глядели мы
В глаза... а всей гурьбой
Христьяна Христианыча
Поталкивали бережно
Все к яме... все на край...
И немец в яму охнулся,
Кричит: „Веревку! лестницу!“
Мы девятью лопатами
Ответили ему. И т. д.

Возмущение крестьян „Корежины“ относится не к тем сравнительно более близким временам, когда после 1854—55 г. крестьянское движение принимает большую планомерность в ожидании воли, а к временам более далеким, когда крестьянский бунт вытекал, по определению историка Н. Рожкова, „скорее из аффекта чувства, чем из сознания“. „Активное проявление неудовольствия крестьян происходило в виде поджогов, убийств и наказаний помещиков и управляющих... Покушения на убийство совершались часто. В 1836—54 гг. было всего 75 случаев. В течении 9 лет (1835—43) в Сибирь было сослано за убийство помещиков—416 человек“ (Игнатович, „Помещичьи крестьяне накануне освобождения“, „Русское Богатство“, 1900 г. кн. II, стр. 43). Об одном такого рода эпизоде, продиктованном так же, как и в главе „Савелий—богатырь святорусский“, чувством отчаяния, рассказывает Ю. Самарин. Управляющий отобрал у крестьян пахотную землю, крестьяне, чтобы сколько-нибудь спасти свою независимость обеспечением своего

продовольствия, посеяли рожь в своих огородах; выросла рожь чудесная. Управляющий поляк велел ее перепахать; „крестьяне потупили головы, но исполнили приказание. Они стояли кружком подле гумен своих и молча смотрели на произведенное опустошение. Недовольный этим, поляк послал своего помощника сказать им от себя: „Чего мол было медлить, рожь была спелая, зерно наливное“. Но исполнитель этого приказания поплатился дорого за свое усердие: мера терпения переполнилась. В ответ на насмешливые слова один крестьянин сказал: „А коли вызрела, так и молотить время“ и с этим словом сильною рукою, схватив приказчика, хватил его об землю. Толпа сдвинулась вокруг него и несчастная жертва страшной мести скоро обратилась в безобразную массу, в которой уже нельзя было признать подобия человеческого тела... Началось дело; перепуганный помещик приехал в имение. Двадцать человек пошло в Сибирь“ (Ю. Самарин, Сочинения, т. II. изд. 1878 г. „Замечания об инвентарях и крепостном праве“, стр. 13).

Быть может не случайностью было и то, что помещики старались брать управляющих с дальней стороны, совсем не связанных с чуждой им крестьянской массой. В поэме Некрасова управляющий немец—Христиан Христианович Фогель. Об одном таком же жестоком управляющем-немце рассказывает в своих воспоминаниях Е. Водовозова. Звали этого управляющего Карл Карлович. От его жестокостей крестьяне вешались, топились, а частью находились в бегах. Мать Водовозовой писала своему брату-помещику, у которого и служил Карл Карлович, такие строки: „Все ваши крестьяне совершенно разорены, изнурены, в конец замучены и искалечены никем другим, как вашим управителем немцем Карлом, прозванным у нас „Карлою“, который есть лютый зверь, мучитель, столь жестоковыйный и развращенный человек, что если бы ненароком проезжал по нашей захолустной местности знаменитый сочинитель, чего, конеч-

но, не может случиться, он бы на страницах своего творения описал бы „Карлу“ как изверга человеческого рода“. Далее рассказывается подробно о всех притеснениях немца-управителя (Е. Водовозова. Воспоминания, гл. V, „Помещичьи нравы перед эпохой реформ“, „Минувшие Годы“, 1908 г., кн. 7, стр. 202).

Глава IV.

Демушка.

Стилистика „Демушки“ в значительной своей части построена на материале северно-великорусских причитаний, известных Некрасову, главным образом, по книге Е. В. Барсова — Причитания северного края, ч. I, М., 1872. Причитаниями отчасти подсказана и самая тема—преждевременная смерть (Демушки) от несчастного случая и следствие по поводу этой смерти — с участием властей (станового, доктора, священника). Конкретизация темы („скормил свиньям Демидушку придурковатый дед“) впрочем настолько типически-бытовая, что в каком-либо литературном источнике не было никакой надобности. В статье по рабочему вопросу—„Неужели это так надо?“ (1900) Л. Толстой, противопоставляя тяжелую жизнь трудового крестьянства жизни богатых бар, говорит: „Одни дети живут среди игрушек, забав и поучений, другие сначала ползают голыми брюхами через пороги, съедаются свиньями, а с пяти лет начинают подневольно работать“.

Причитаниями внушены, во-первых, общие изображения нашествия „властей“:

Молитвы Иисусовой
Не сотворив, уселися
У земского стола.

У Барсова (XX, стр. 283) „мировой посредничек“, приехав в деревню, входит в земскую избу.

Не творит да тут Иисусовой молитовки,
Не кладет да он креста-то по писанному...'

Становой у Некрасова —

По горнице похаживал,
Как зверь в лесу порыкивал.

В причитании посредник —

Он в походню по покоям запохаживае...
Быдто зверь да во темном лесу порыкивае...

Далее становой

Как в стойле конь подкованный
Затопал; о кленовый стол
Ударил кулаком.

В причитании —

Да он резвыми ногами призатопав,
Как на стойлы конь копытами призастукае... (285 стр.)

Или еще:

Как лютый зверь наскакивал (Некрасов).
Быдто зверь да во темном лесе кидается (Причит. 284).
Ломал перстни злаченые (Некрасов).
Не ломай-ко ты перстни свои злаченые (Причит. 285).

У Некрасова становой „мироед", в причитании — „мироеды мировы эти посредники" (285).

К. И. Чуковский в примечаниях к Некрасову указывает, стр. 484, что даже такой эпизод, как медицинское вскрытие умершего Демушки, и тот основан на одном из „Плачей", приводимых у Барсова, т. I, Плач по убитом громом-молнией (стр. 249).

Отметим попутно еще другую параллель, так сказать, противоположного свойства: в числе „властей" у Некрасова поп, приводящий к присяге понятых, попыхивающий трубочкой при вскрытии, обращающийся к лекарю с неуместными шуточками, затем выпивающий и жалующийся становому на свое трудное материальное положе-

ние. В одном из Барсовских причитаний мы находим контрастный образ (из плача по попе — отце духовном, XXII, стр. 295—296). Крестьянин сообщает „духовному отцу“ о случившемся несчастье: „мало дитятко на лавочке убилося“ —

На работе в то время прилучился,
Ко мне детушки во поле прибежали,
По тихошеньку про горе рассказали;
Я пришел как во хоромное строеньице:
Стоит мать да над дитем тут погибае,
Сама горьки она слезы проливае. . . . (295).

Священник обещает оградить и избавить „от изъяну, от напасти от великой, от судей неправосудных“ и сдерживает свое обещание: при помощи выданного им свидетельства — „рукописания“, а также полуштофа сладкой водочки и золотой казны крестьянину удается откупиться от „власти немилосердной“ (297).

Наконец мы имеем в „Демушке“ и прямые, почти дословные заимствования из причитаний. К одному из них имеется примечание самого Некрасова: „взято почти буквально из народного причитания“:

Металась и кричала я:	Барсов, Причитания XX „Плач о старости“, стр. 287 — 288.
„Злодеи! Палачи!.	Вы падите-тко горюци мои слезушки,
Падите мои слезаньки	Вы не на воду падите-тко, не на землю,
Не на землю, не на воду,	Не на божью вы церковь, на строеньице,
Не на господень храм!	Вы падите-тко, горюци мои слезушки,
Падите прямо на сердце Злодею моему! и т. д.	Вы на этого злодея супостатого, Да вы прямо ко ретивому сердечушку! и т. д.

Из другого причитания „Плач по сыне“ (Барсов, VI, стр. 100) получились следующие стихи этой же главы поэмы:

Ой, плотнички-работнички!
Какой вы дом построили
Сыночку моему?
Окошки не прорублены,
Стеколушки не вставлены,
Ни печки, ни скамьи!
Ой, жестко будет Демушке,
Ой, страшно будет спать .

Ср. в причитании (мать — „выходит на крыльцо“):

Ай же, плотнички-работнички!
Кто задал вам казну бесчетную,
Што вы даете холодную хоромину — не мшоную;
Не обнесены брусовы белы лавочки,
Не прорублены косевчаты окошечка,
Не врезаны стекольчаты околенки,
Не складена печенька муравлиная,
Не услана перинушка пуховая.

Здесь, как видно уже не „почти буквальная“ цитата— а вольный пересказ — как раньше по отношению к „свадебным“ и некоторым „семейным“ песням.

Как вихорь налетал —
Рвал бороды начальничек,
Как лютый зверь наскакивал —
Ломал перстни злаченые.

Этот образ налетающего вихрем властителя дан Некрасовым еще в 1858 г. в стихотворении „Бунт“.

Скачу как вихорь из Рязани,
Являюсь: бунт во всей красе,
Не пожалел я крупной брани
И пали на колени все!
Задавши страху дерзновенным,
Пошел я храбро по рядам
И в кровь коленопреклоненным
Коленом тыкал по зубам.

Глава V.

Волчица.

Подкралось горе лютое —
К кому оно привяжется,
До смерти не изжить!

В причитаниях (как, впрочем, и в ряде иных песен и сказок, равно как в „Повести о горе-злосчастьи“ XVII в.) мы найдем образ горя.

Впереди летит ясным соколом,
Позади летит черным вороном,
Впереди летит — не укатится,
Позади летит — не останется.

Здесь также отзвуки причитаний северного края. Ср. в „Плаче вдовы“ у Барсова (стр. 8, т. I):

Впереди да шло бессчастье ясным соколом,
Позади оно летело черным вороном,
Впереди оно бессчастье не укатится,
Позади оно злодийно не останется.

Отзвуками причитаний полно и заключение 5-й главы („Громко я звала родителя — ты приди заступник-батюшка и т. д.), хотя в целом оно является самостоятельной вариацией на подсказанную устным творчеством тему.

Недолго прожил дедушка.
По осени у старого
Какая-то глубокая
На шее рана сделалась,
Он трудно умирал:
Сто дней не ел, хирел да сох,
Сам над собой подтрунивал... и т. д.

Эти „сто дней“ один из образцов иногда прорывающегося некрасовского гиперболизма, о котором мы говорили выше (ср. Мельшин-Якубович. Некрасов. Изд. 1907 г., стр. 69).

После того, как помещик решил простить Федотушку — сына Матрены Тимофеевны (будучи подпаском, мальчик отдал овцу голодной волчице), — сама крестьянка-мать была приговорена к порке.

Из песни слово выкинуть,
Так песня вся нарушится.
Легла я, молодцы....

Дальше во всех изданиях перерыв — точки в три ряда. В рукописи Некрасова, хранящейся в Институте Новой Русской Лит. Академии Наук, идут вместо точек такие пять строк:

Сам староста обиженный
Исполнил повеленное,
Хлестал да приговаривал:
Ты женщина почтенная,
Мать пятерых детей!

(„Некрасов". По неизданным материалам. Изд. 1922 г., стр. 98).

В настоящее время не установлено, исчезли ли из печати эти строки по причинам цензурным, или Некрасов убрал их потому, что в них чувствуется нажим публицистического характера.

Глава VI.

Трудный год.

Теперь уж я не дольщица
Участку деревенскому,
Хоромному строеньицу,
Одеже и скоту.
Теперь одно богачество:
Три озера наплакано
Горючих слез, засеяно
Три полосы бедой!

Пользуясь неопубликованной работой К. В. Коноваловой, К. Чуковский устанавливает связь этого места с таким причитанием из Барсова:

Ты не дольщицей крестьянской будешь....
Не участница участку деревенскому,
Не пристойщица хоромному строеньицу,
Ты не пайщица любимоей скотинушки.

(Барсов, т. I, стр. 220).

С кем думушку подумати?
С кем словом перемолвиться?
Как справиться с убожеством?
Куда обиду сбыть?
В леса — леса повяли бы,
В луга — луга сгорели бы!
Во быструю реку?
Вода бы осталася! и т. д.

В. Еланская в своей статье „О народных истоках творчества Некрасова“ указывает на связь этого места с одним из причитаний:

Мне куды с горя-горюшка подеватися?
Рассадить ли мне обиду по темным лесам?
Уж тут моей обидушке не местечко,
Как посохнут вси кудрявы дервиночки;
Мне рассеять ли обиду по чистым полям?
Уже тут моей обидушке не местечко,
Задернет да си распашества, полосушки,
Мне спустить ли ту обиду во быструю реку? и т. д.

(Барсов, т. I, стр. 17).

Из Домниной избы,
Где парни деревенские
И девки собираются,
Гремела песня складная,
Любимая моя. . . .

На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходил к ней батюшка,
Будил ее, пробуживал:
Ты, Машенька, пойдем домой!
Ты, Ефимовна, пойдем домой!

Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и не месячна,
Реки быстры, перевозов нет,
Леса темны, караулов нет.....

и т. д. (до конца главы)

Ср. Шейн, Русск. народные песни, стр. 436—437 (№ 6 из свадебных Тульской губ.):

У нас на горе стоит елочка,
Под горой светелочка,
Во светелочке свет-Марьюшка сидит,
Приходит к ней батюшка,
Он звал свет-Марьюшку с собой:
Пойдем, пойдем, Марьюшка, со мной!
  Я нейду, не слушаю тебя:
  Ночи темные, не месячные,
  Леса глухие, караула нет,
  Реки быстрые, перевозу нет.
У нас и т. д.
Приходила к ней матушка,
Она звала свет-Марьюшку с собой:
Пойдем, пойдем, Марьюшка со мной!
Я нейду, не слушаю тебя и пр.
  У нас и т. д.
  Приходил к ней Алексей-государь,
  Он звал Марьюшку с собой:
  Пойдем, пойдем, Марьюшка, со мной!
Я иду, иду, послушаю тебя:
Ночи видные, месячные,
Леса глухие, караула есть,
Реки быстрые, перевозу есть.

У Некрасова—конец:

Я иду, сударь, и слушаю:
Ночь светла и месячна,
Реки тихи, перевозы есть,
Леса темны, караулы есть.

Вариант той же песни по записи Колосова в Вятской губ. (песня „повседневная“) у Соболевского, т. I, стр. 659—670, № 836 местами ближе к тексту Некрасова:

„Уж ты, Машенька, пойдем домой,
Ты, Ивановна, со мной домой“ и т. д.

За исключением имен — песня, как видим, является цитатой, чуть-чуть видоизмененной ритмически.

Глава VII.

Губернаторша.

Ушли. Бреду тихохонько.....
Стоит из меди кованый,
Точь-в-точь Савелий дедушка,
Мужик на площади.
—Чей памятник? „Сусанина“.
Я перед ним помешкала,
На рынок побрела.

Это упоминание о памятнике Сусанина дает возможность установить, какой губернский поволжский город изображает Некрасов в данной главе. Город этот — Кострома. Памятник Сусанину находился в Костроме на площади, имевшей название от этого памятника — Сусанинской. Поставленный в 1851 г. по рисунку Демут-Малиновского, памятник состоял из гранитной колонны, увенчанной вызолоченным бюстом царя Михаила; „а на пьедестале у колонны помещена бронзовая статуя Сусанина“ („Россия“, под редакцией П. Семенова, изд. 1900 г. т. I, стр. 370). После Октябрьской революции памятник был устранен, как ненужный символ низвергнутой царской власти.

Глава VIII.

Бабья притча.

Конец главы — рассказ „святой странницы“ о „ключах от счастья женского“ — представляет продукт самостоятельного некрасовского творчества с использованием ряда образов и мотивов устной поэзии, в частности

поэзии тех же самых „причитаний“, которые так помогли поэту оформить материал „Демушки“. У Барсова („Из плача о писаре“ XXI) имеется повесть о том, „как в мире горе объявилось“. В „досюльны времена“ Горе, страшась людей, запряталось от них в Окиян-море; рыбаки изловили в нем диковинную рыбу, распороли — и нашли в ней золоченые ключи. Принесли ключи в деревню, стали их пробовать: ключи не ладятся ни к церковным замкам, ни к лавкам торговым, и приходятся только к „тюрьмам заключенным“. Открыли ключами „подземельные норы“ — оттуда разом бросилось злое горе и завладело крестьянским миром (стр. 289 — 291). — Из этого рассказа у Некрасова — проглотившая ключи рыба (см. „пропали! думать надобно, сглонула рыба их“ и „какою рыбой сглонуты ключи те заповедные, в каких морях та рыбина гуляет — бог забыл!“) и подробности о том, как найденные ключи пришлись к дверям темницы, откуда выпущены были „рыбы-невольники“. Это место типично для отношения Некрасова к устному творчеству, как к одному из источников: пользуясь готовыми образами этого творчества, он, распоряжаясь ими с полной свободой, создает из них нечто совершенно новое и незнакомое устной поэзии. Образ „заключенных ключей“, потерянных девушкой, нередок в песне (см., например, Шейн, Р. Народные песни, стр. 223, № 77).

Третья часть.

Последыш.

Часть поэмы, называемая „Последыш“, показывает старика-помещика, князя Утятина, не могущего примириться с фактом падения крепостного права. Для утешения выжившего из ума старца сыновья его, „гвардейцы черноусые“, вместе со своими женами создают с согласия бывших дворовых видимость неотмененного

крепостного быта. К. Чуковский полагает, что сюжет „Последыша“ заимствован из одного письма, посланного доктору Н. А. Белоголовому декабристом А. В. Поджио. В этом письме Поджио рассказывает об одной помещице села Пуколово, Дмитровского уезда, Московской губ.. Приведем отрывок из этого письма Поджио: „В одном углу сижу я, недовольный, распухший, надутый, как будто и впрямь тот же помещик. В другом углу, за рекой, сидит или лежит, не знаю, помещица 50 лет, но еще румяная, дородная; возле нее сидит или лежит, тоже не знаю, весьма дальний родственник (а почему же весьма дальнему родственнику и не быть весьма близким); а поодаль лежит (уж этот, вполне знаю, лежит) так называемый муж! Этот муж уже 32 года парализован и на отдыхе. А что за добрая, что за сострадательная женщина Авдотья Ивановна! Владелица 38 душ, что составит с двумя вышереченными и все 40, она с 19 февраля, когда в этот роковой день вырвали из ее материнских объятий деток-крестьян, заперлась, обрекла себя на затворническую жизнь и всю горячность сердца сосредоточила на этих двух существах, одинаково дорогих, одинаково страдающих, один — излишнею молодостью, другой — излишнею старостью. И как нежно, заботливо умеет Авдотья Ивановна действовать успокоительно на одного и возбудительно на другого, как умеет она предохранить одного от внешних волнений, которые могли взволновать безмятежную жизнь, другого — от тех потрясений, которые могут его в конец расстроить. Таким образом, во избежание вторичного окончательного паралича, она скрывает от него случайную эмансипацию, и ежедневно счастливый еще помещик отдает попрежнему приказания старосте: „Завтра сгон, собрать баранов, баб не спускать“ и пр. Паралича, как видите, нет, а помещик есть, и сама медицина должна разрешить женам обманывать мужей, а вы не забудете вписать в номенклатуру влиятельных причин на параличи и эман-

сипацию“ (Н. Белоголовый. Воспоминания и др. статьи, Изд. 1897 г.).

Это сообщение декабриста Поджио о старом помещике, от которого надо скрывать „эмансипацию“, т. е. освобождение крестьян, по предположению К. Чуковского, могло быть передано доктором Н. Белоголовым Некрасову и послужить основой для части „Последыш“ в поэме „Кому на Руси“. Исходя из этого предположения, К. Чуковский пишет, что „Последыш“ вырос очень быстро, так как Некрасов познакомился с Белоголовым лишь в 1872 г., а „Последыш“ напечатан год спустя. (Примечание к 6-му изданию 1931 г., стр 581). Но с этими датами дело обстоит не так просто, как представляется К. Чуковскому. Доктор Н. Белоголовый познакомился с Некрасовым зимой 1872—1873 г. (см. Н. Белоголовый, Воспоминания, 1897 г., стр. 438). Поэма же появилась в печати уже в мартовской книжке 1873 г. Если даже считать зимним месяц октябрь, то и тогда выходит, что поэма после этого знакомства появляется в печати через полгода. А ведь надо еще время для написания поэмы. При этом мы знаем, что под частью „Последыш“ имеется дата — 1872 г. Следовательно, остается только ничем не доказанное предположение, что фабулу для части „Последыш“ Некрасов мог получить от Белоголового. С другой стороны, поэт мог ее и просто изобрести, великолепно учитывая психологию части безнадежных крепостников.

Во всяком случае сообщение декабриста Поджио и социальный смысл части „Последыш“ имеют лишь некоторое сходство. В письме Поджио говорится о мелком помещике, у которого всего 38 душ. У Некрасова князь Утятин—богатый отпрыск знатного рода:

> Помещик наш особенный:
> Богатство непомерное,
> Чин важный, род вельможеский.

Поэтому весь сатирический уклон этой части поэмы направлен прежде всего против верхов крепостнической аристократии.

Когда в 1873 г. появилась эта часть поэмы, критик реакционного лагеря Авсеенко злопыхательствовал над Некрасовым, говоря, что он занимается сатирой „задним числом“, т.-е. уже спустя 12 лет после падения крепостного права. Что же мог сказать на это Некрасов, когда царская цензура не давала возможности резко критически подойти ко многим отрицательным явлениям общественного бытия 70-х годов. Еще за два года до писания части „Последыш“, в большом стихотворении „Недавнее время“ Некрасов с горькой иронией говорил, подчеркивая последние два слова, что в своих писаниях—

И всегда по возможности будем
Верны истине *задним числом*.

В образе выродка, князя Утятина, Некрасов метил в группу неугомонившихся аристократов-крепостников. П. Кропоткин говорит о крупных землевладельцах, которые „все пустили в ход в Петербурге, чтобы возобновить крепостное право под каким-нибудь новым названием“ (отчасти они и успели в этом при АлександреIII). В партии аристократов-реакционеров „существовала уверенность, что возможно еще убедить Александра II отложить окончательное освобождение крестьян, которое должно было состояться 19 февраля 1863 г.“ (конец двухлетнего обязательства). (П. Кропоткин. „Записки революционера“, изд. 1918 г., стр. 126).

Хотя в главе „Последыш“ дело шло как-будто об исчезнувшем крепостном праве, но весь смысл социальной сатиры давал возможность ее широкого толкования, имея в виду ту влиятельную категорию крепостников, о которой говорит в своей книге П. Кропоткин. Эта возможность обобщения образа князя Утятина дается и

замечаниями Власа: „Хвали траву в стогу, а барина в гробу!“, или ехидно-остроумным выпадом Клима:

В кромешный ад провалимся, —
Так ждет и там крестьянина
Работа на господ!..
—Что ж там-то будет, Климушка?
—А будет, что назначено:
Они в котле кипеть,
А мы дрова подкладывать!“

Вот почему цензор так остро почувствовал противопомещичий смысл этой части поэмы, когда утверждал, что она „носит характер пасквиля на все дворянское сословие“. Из доклада этого цензора Лебедева главному управлению по делам печати (в феврале 1873 г.) приведем такие строки: „Принимая во внимание, что в стихотворении „Последыш“ поэт хотел представить в мрачном и отталкивающем виде не только прежних дворян, владельцев крепостными, но и настоящих, так как молодые наследники представлены им также бесчестными и не сдерживающими данного слова, и этою картиною дает почувствовать читателю, насколько нравственнее благородного сословия простой народ“, — цензор приходит к тому заключению, что „означенное стихотворение может служить возбуждением антагонизма между высшими и низшими классами общества и составляет оскорбление для дворянского сословия“ (Цитир. по статье В. Евгеньева-Максимова. „Голос Минувшего“, 1918 г., кн. 1—4)

Явилось „Положение“.
Ипат сказал: „Балуйтесь вы!
А я князей Утятиных
Холоп — и весь тут сказ!“
Не может барских милостей
Забыть Ипат! Потешные
О детстве и о младости
Да и о самой старости
Рассказы у него.

Под „Положением“ Некрасов имеет в виду законодательные акты об освобождении крестьян.

Дворовый Ипат показан Некрасовым, как тип раба, до конца привязанного к своим господам. В дворянской литературе мы видим идеализацию рабской преданности (Савельич—у Пушкина в „Капитанской дочке“, Наталья Савишна—у Л. Толстого в „Детстве“). В поэме Некрасова эта преданность раба показана в уничтожающе отрицательном виде.

Приехал в отпуск князюшка;
И, подгулявши, выкупал
Меня, раба последнего,
Зимою в проруби!
Да как чудно! Две проруби:
В одну опустит в неводе,
В другую мигом вытянет —
И водки поднесет.

Этот сатирический уклон при показе дворового Ипата характерен для Некрасова, который в поэзии был одним из выразителей интересов революционной крестьянской демократии эпохи 60-70 годов. Когда тридцать лет спустя после смерти Некрасова великий идеолог рабочего класса счел необходимым дать толкование рабскому умонастроению некоторой части интеллигенции эпохи реакции 1907-1911 г., то он пришел к формулировке, воскрешающей перед нами образ некрасовского Ипата: „Раб, у которого слюнки текут, когда он самодовольно описывает прелести рабской жизни и восторгается добрым и хорошим господином, есть холоп, хам“ (Ленин, т. VIII, изд. 1-е, стр. 430).

В образе Клима — фиктивного бурмистра, избранного в утешение старого князя Утятина, Некрасов выводит проходимца, вышедшего из народных низов и полного двойственности. Правда, отношение Клима к помещикам временами насмешливое, в отличие от холопски преданного Ипата (слова Клима о работе в аду для господ,

приведенные нами выше), но это лишь оттеняет его приспособляемость:

У Клима совесть глиняна,
А бородища Минина.

Клим в изображении Некрасова „пьяница и на руку нечист".

Работать не работает,
С цыганами возжается,
Бродяга, коновал!

Клим бывал в Москве и в Питере, „езжал в Сибирь с купечеством". Он выступает в этой части поэмы, как человек, приспособившийся к казенной идеологии в духе знаменитого черносотенного публициста того времени — М. Каткова.

Каких-то слов особенных
Наслушался: „Атечество,
Москва первопрестольная,
Душа великорусская...
Я русский мужичок!"

В эпоху мобилизации контрреволюционных сил для подавления революции (1905 г. и последующие) деклассированные элементы города и деревни, вроде некрасовского Клима, обратились в многоголовую гидру.

Горланил диким голосом
И, кокнув в лоб посудою,
Пил залпом полуштоф.

Этими достоинствами Клима обладали и законченные представители черносотенной своры.

Но таковым является Клим, если рассматривать часть „Последыш", как самостоятельное целое. В части четвертой — „Пир на весь мир", Некрасов делает Клима уже иным — своеобразным агитатором в стихотворении „Солдатская", вскрывающим тяжелое положение севастопольского солдата-инвалида. В этом двойственность его образа, хотя здесь от перемены имени ничего не

изменилось бы, ибо Клим является в четвертой части таким же случайным рупором самого поэта, какими являются в сатирической поэме „Современники" приобретатели-хищники, поющие песню о горестях бурлаков.

А что смеетесь? Всякие
Бывают приказания:
Сидел на губернаторстве
В Якутске генерал, —
Так тот на кол коровушек
Сажал! Долгонько слушались:
Весь город разукрасили,
Как Питер монументами,
Казненными коровами,
Пока не догадалися,
Что спятил он с ума!

Трудно в настоящее время установить, пользовался ли Некрасов какими-либо материалами или устным анекдотическим преданием, когда писал эти строки о якутском губернаторе. Но, вообще говоря, это очень похоже на подлинную картину того сибирского губернаторского самодурства, о котором рассказывает в своих очерках историк-публицист эпохи 70-х годов С. Шашков: „В Иркутске один губернатор, из подражания архиерею, которому звонили при каждом его выезде из дому, гулял по городу не иначе, как при громе пушек. Главный начальник нерчинских заводов Нарышкин, по выражению иркутской летописи, „занимался какими-то странными действиями... Он задумал устроить триумфальный поход на Иркутск. Составив себе лейб-стражу из крестьян и каторжников, забрав с собой все деньги из нерчинского казначейства, канониров, порох, ядра, пушки, — он выступил в поход. Дорогой он спаивал бурят и вербовал из них для себя красный гусарский полк. Захваченных из нерчинского казначейства 16.000 рублей достало только до Верхнеудинска. В этом городе Нарышкин потребовал сдачи ему всех денег казначей-

ства, но здесь он был арестован по приказанию иркутского начальства. В Енисейске, перед самым приездом Сперанского, городничий Куколевский катался по городу в экипаже, запряженном чиновниками. Это он делал столько же для собственного удовольствия, сколько и для наказания этих чиновников, которые хотели ходайствовать о смене его" [С. Серафимович (Шашков). „Очерки русских нравов в старинной Сибири", „Отечественные Записки", 1867 г., кн. 10, стр. 702].

Четвертая часть.

Пир на весь мир.

**В конце села Вахлачина,
Где житель—пахарь исстари
И частью смолокур.**

Смолокурение—добывание смолы сухой перегонкой смолистой древесины хвойных пород (сосна, ель); производится в ямах и в более совершенных перегонных аппаратах. Упоминанием о смолокуре Некрасов лишний раз дает возможность установить, что место действия в его поэме—Верхнее Поволжье, хотя смолокуренье было распространено там неравномерно. Кустарный характер перегонки дерева был значительно распространен в Тверской губ. „Сравнительно значительное число крестьян занимается смолокурением и сидкой дегтя еще в Костромской губ., в других же губерниях—как Калужская, Ярославская и Владимирская—названный промысел развит довольно слабо" („Россия", под редакцией П. Семенова, т. I, Московск. пром. область и Верхнее Поволжье, стр. 151).

Глава I.

Веселая.

—Кушай тюрю, Яша,
Молочка-то нет!
Где ж коровка наша?
Увели, мой свет.
Барин для приплоду
Взял ее домой.
Славно жить народу
На Руси святой!

В старых, дореволюционных изданиях эта „Веселая" отсутствовала и вместо нее стояли точки. Опубликованная в 1908 г. А. Измайловым, „Веселая" впервые попадает в изд. 1920 г. под редакцией К. Чуковского, которому удалось отыскать дополнительный, неизвестный А. А. Измайлову вариант:

Чуть из ребятишек,
Глядь—и нет детей:
Царь возьмет мальчишек,
Барин—дочерей.

Повторные строки „Славно жить народу на Руси святой" носят явно ироническую форму. В рукописи Некрасова, хранящейся в Институте новой русской литературы при Академии наук, есть вариант повторных слов: вместо „славно жить народу"—уже без всякой иронии—„плохо жить народу на Руси святой".

Рассказ дворового человека „Про холопа примерного—Якова Верного" является вставным стихотворением. В основу этого стихотворения положена подлинная история из эпохи крепостного права. Эту историю рассказал Некрасову его друг— А. Ф. Кони, известный юрист и автор литературных воспоминаний. А. Кони, в свою очередь, слышал эту историю от старика-крестьянина.

Жестокий помещик одного из уездов Рязанской губернии зверски обращался со своими крепостными. В этом ему помогал старый кучер—человек жестокий и беспощадный. У этого кучера был сын. „Этот сын задумал жениться и пришел вместе с предполагаемой невестой просить разрешения на брак. Но последняя, к несчастью, так приглянулась помещику, что тот согласия не дал. Молодой парень затосковал и однажды, встретив помещика, упал ему в ноги с мольбою, но, увидя его непреклонным, поднялся на ноги с угрозами. Тогда он был сдан не в зачет в солдаты, и никакие просьбы отца о пощаде не помогли. Последний запил, но недели через две снова оказался на своем посту, прощенный барином, который слишком нуждался в его непосредственных услугах".

Самоубийство крепостного кучера, завезшего барина в глубокий овраг, произошло, по словам А. Ф. Кони, таким образом: „Проехав с полверсты, он остановил лошадей в особенно глубоком месте оврага, молча, с угрюмым видом,—как рассказывал в первые минуты после пережитого барин,—отпряг их и отогнал ударом кнута, затем взял в руки вожжи. Почуяв неминуемую расправу, барин, в страхе, смешивая просьбы с обещаниями, стал умолять пощадить ему жизнь.—Нет,—отвечал кучер,—не бойся, сударь, я не стану тебя убивать, не возьму такого греха на душу, а только так ты нам солон пришелся, что тяжко с тобой жить стало, что вот я старый человек, а через тебя душу свою погублю. И возле самой коляски, на глазах у беспомощного и бесплодно кричащего в ужасе барина, он влез на дерево и повесился на вожжах" (А. Кони, „Некрасов и Достоевский", изд. 1921 г., стр. 22—23).

Правда, А. Ф. Кони ничего не говорит о тяжких муках раскаяния, которые показаны Некрасовым в его вставном стихотворении.

Барин в овраге всю ночь пролежал,
Стонами птиц и волков отгоняя;
Утром охотник его увидал.
Барин вернулся домой, причитая:
„Грешен я, гр·шен! Казните меня!“
Будешь ты, барин, холопа примерного,
Якова Верного
Помнить до судного дня!

Эти муки покаяния помещика привнесены самим Некрасовым. Как мы уже говорили, мотив покаяния, начиная от стихотворения „Рыцарь на час“ (1860 г.) проходит через ряд произведений поэта.

Способ возмездия, к которому прибег старый некрасовский Яков, довольно распространен среди восточных народностей. Писатель Н. Телешев, произведения которого имеют этнографическую ценность, в рассказе „Сухая беда“ изображает чуваша Максимку. Этот Максимка, для того чтобы отомстить купцу Курганову, обвинившему бедную, любимую Максимкой девушку Феню в краже денег,—приходит к твердому решению сделать „шире шар“, что по-русски называется „сухая беда“, т. е. непредвиденное и неодолимое несчастье. „Тащить сухую беду“—это значит, что на зло своему заклятому врагу нужно повеситься у него во владении, чтобы заставить его мучиться всю жизнь“ (Н. Телешев. Рассказы, кн. I, изд. 4-е, 1918 г., стр. 51).

Этот характер самоубийства, как акта отмщения, носит такое же название и у финских народностей, которые, по словам С. В. Максимова, „долгое время практиковали сухую беду, вешаясь на воротах обидчика на пущее горе для живого“ (С. В. Максимов, Сибирь и каторга, т. II, изд. 1871 г., стр. 76).

Глава II.

Странники и богомольцы.

Пускай народу ведомо,
Что целые селения
На попрошайство осенью,
Как на доходный промысел,
Идут...

Этим селениям, идущим артелью на попрошайство как на промысел, писатель-этнограф С. В. Максимов посвящает в своей книге „Бродячая Русь“ обширный отдел под названием „Пищеброды и клуны“. Указанный отдел очерков печатался в „Отечественных Записках“ в 1874 г. и 1875 г. В Пензенской губернии ряд селений и деревень занимались нищебродным промыслом. „Всего же нищенствует приблизительно около 3 тыс., считая, конечно, в том числе и наемных мальчиков, и наемных же старых девушек. Село Актеное с деревнями Аргамаковым и Нееловкою—это центр: сюда приходят наниматься со всех окрестностей: из Усклея, Кошкарева, Любятина, Пестравки“. „Судогодцы по последнему санному пути возвращаются в свои курные черные избы, в свою черную и темную сторону“. В Саранском уезде, в отличие от судогодских, выезжают на промысел в год по три раза“ (С. Максимов, „Бродячая Русь“, отд. II,—„Нищеброды и клуны“, изд. 1877 г., стр. 165, 166 и 171).

Пускай нередки случаи,
Что странница окажется
Воровкой; что у баб
За просфоры афонские,
За „слезки богородицы“
Паломник пряжу выманит.

„Слезками богородицы“ называют афонские монахи особое огородное растение, имеющее твердые круглые семена, которые употребляют для четок. Четки—это

шнурок с нанизанными на него кожаными пластинками или зернами из дерева, коралла и проч. „Слезки богородицы“ также нанизывают на проволоку для выделки четок особого рода. В своих очерках „Афон“ писатель-шестидесятник Н. Благовещенский в примечании говорит: „Несколько раз спрашивал я у монахов, почему это растение называется слезами богоматери и всякий раз слышал новую историю“ (Н. Благовещенский, Афон, изд. 1864 г., стр. 105).

Чуден ему и памятен
Старообряд Кропильников,
Старик, вся жизнь которого
То воля, то острог.
Пришел в село Усолово:
Корит мирян безбожием,
Зовет в леса дремучие
Спасаться.

В издании 1920 г. под редакцией того же К. Чуковского первые строки этого отрывка были напечатаны иначе:

Чуден ему и памятен
Старик из секты скрытников
Никифор-каргопол.

Редакция 1920 г., где есть упоминание о „скрытниках“ более отчетливо вскрывает образ раскольника, принадлежащего к той секте, которая была настроена резко антиправительственно, чего нельзя сказать о старообрядцах в расплывчатом смысле этого слова (в изд. 1927 г.). Во всяком случае упоминание в поэме о каргополе-скрытнике не является у Некрасова случайным, ибо оно вполне соответствует таким последующим строкам поэмы, в связи с которыми стоит и сохранившаяся черновая запись поэта:

Везли его в острог,
А он корил начальника
И, на телеге стоючи,
Усоловцам кричал:

„Горе вам, горе, пропащие головы
Были оборваны,—будете голы вы!
Били вас палками, розгами, кнутьями,—
Будете биты железными прутьями“.

Город Каргополь Олонецкой губернии и вообще весь Каргопольский уезд был в свое время убежищем для раскольников, бежавших в олонецкие и архангельские дебри от преследования власти. Олонецкие раскольники делились на категории: поморцы признавали брак, федосеевцы были противниками брака; затем из среды этих сект выделились филипповцы, питавшие отвращение к власти; секта „скрытников“, к которой принадлежит некрасовский Никифор-каргопол, или Кропильников, вышла из среды тех же филипповцев. Как филипповцы в целом, так и скрытники в частности отрицают молитву за царя и подчинение власти в виду несомненного, по их мнению, водворения на земле антихриста.

Социально-политический характер этой секты, на которую делает упор и Некрасов в этом месте поэмы, обусловливался угнетенным положением крестьянства. Бытописатель „бродячей Руси“ подробно останавливается на секте скрытников: „От Архангельской губ. началось распространение скрытницкой веры. Вера шла по реке Онеге, вверх, сворачивая в прибрежные леса и в них крепясь: сначала по речке Большой Пормы, потом в приходе Ольховца и Кросила. За 20 лет новая вера успела утвердиться в волостях Каргопольского уезда“ (С. Максимов. Бродячая Русь, гл. VII, Скрытники и христолюбцы, „Отечественные Записки“, 1876 г., кн. 8, стр. 333).

Сектант Кропильников, или Никифор-каргопол, изображенный Некрасовым, напоминает упорного агитатора—сектанта Савву, о котором говорится в указанном очерке С. Максимова. Этот Савва имел своим учителем прославленного в свое время Никиту Семова—сына крестьянина Ярославской губ., Рыбинского уезда,

носившего ранее имя Меркурий. Этот Никита Семенов— первоначально деревенский портной—был человеком выдающимся. После 15-летней жизни в Архангельских лесах Никита прибыл в Ярославские Пошехонские леса. „Успех его проповеди был необыкновенный, иначе не могло и быть: человек умный от природы и начитанный в тиши уединенной жизни, он вполне созрел для подобной деятельности. Быстро разнеслась молва о необыкновенных дарованиях и познаниях нового проповедника; слава его росла с каждым днем; учение странническое распространялось и утверждалось“ (А. Розов, „Странники и бегуны в русском расколе“, „Вестник Европы“, 1872 г., кн. 12, стр. 527). Жизнь Никиты Семенова полна была борьбы и страданий. Когда царская полиция разгромила убежище сектантов на берегах Оки и Волги, сектанты были частью пойманы, а частью разбежались в разные стороны. „Один из таких выходцев, по имени Савва, ученик Никиты Семенова, явился в Олонецкую губ. и положил начало странническому учению в Каргопольском уезде“. (Там же, стр. 541).

Впоследствии Савва появляется вновь в Ярославской губ., о чем более подробно говорит С. Максимов в указанном выше очерке. „По этой же самой дороге, из давних скрытницких гнезд, пришел смелый и ловкий в бегах, омужичившийся солдат Савва Антихристов и рассказывал, что антихрист воцарился не чувственно, а духовно: что надо бежать из мира в лес и там от людей скрываться. Ему также поверили, и не одни бабы, но и мужики, и не одни филипповцы, но и из православных кое-кто“. („Отечественные Записки“, 1876 г., кн. 8, стр. 333).

Над четвертой частью поэмы дата — октябрь 1876 г. Указанный очерк С. Максимова помещен в августовской книжке „Отечественных Записок“ этого же года, но Некрасов мог видеть, как редактор, этот очерк в рукописи еще раньше. Несомненно, что описанный

С. Максимовым сектант был отправным образом для Некрасова: как Савва в очерке С. Максимова, так и Некрасовский Никифор-каргопол, или, по другой редакции,—Кропильников, зовет „в леса дремучие спасаться“.

Постой! уж скоро странничек
Доскажет быль афонскую,
Как турка взбунтовавшихся
Монахов в море гнал,
Как шли покорно иноки
И погибали сотнями...
Услышишь шопот ужаса,
Увидишь ряд испуганных,
Слезами полных глаз!

В 1821 г. было восстание Греции за свою независимость. На Афон прибыли агитаторы-греки и призывали монахов на защиту своей веры. Монахи примкнули к восстанию после того, как на Афоне появилось множество прокламаций и показался флот греческих революционеров. Афонские монастыри построены по образцу крепостей для защиты от морских разбойников. Две тысячи вооруженных монахов перешли в наступление. Но эта экспедиция успеха не имела. Со слов афонских старожилов Н. Благовещенский рассказал в своей книге об этом поражении афонских монахов: „Турки после этого отправили на Афон свое войско, и монахи, пользуясь неприступною местностью, дружно встретили их у Ксерксова канала, но были разбиты. Страшно было мщение турок. Большинство защитников Афона было загнано в море и потоплено; турки беспощадно резали каждого встречного; кровь полилась по всей горе. Монахи бросали свои кельи и, захватив свои драгоценности, спасались, где могли, но главные зачинщики были схвачены и потом сгнили в Солунской тюрьме. Всего погибло, говорят, до 4000 монахов“ (Н. Благовещенский, „Афон“, изд. 1864 г., стр. 168—170).

В войну 1854 года афонские монахи уже оставались нейтральными, получив жестокий урок.

О двух великих грешниках.

Только что пан окровавленный
Пал головой на седло,
Рухнуло древо громадное,
Эхо весь лес потрясло,
Рухнуло древо, скатилося
С инока бремя грехов...

Вековое дерево — власть помещичьего класса. Только сокрушив эту власть насильственным путем, народ пришел к своему окончательному освобождению. На основании этого места поэмы, где говорится о бывшем разбойнике Кудеяре, который стал иноком и убил пана Глуховского, Г. Плеханов говорит о Некрасове: „Народное восстание, вероятно, не испугало бы его своими так называемыми ужасами" (Г. Плеханов, т. X, стр. 392).

Но почему цензура, столь придирчивая к стихотворению о холопе Якове, пропустила разбойника Кудеяра? Это можно объяснить только тем, что в данном месте поэмы помещик выступает под именем п а н а Глуховского. Эта терпимость цензуры связана со всей политикой царской власти по отношению к польским крестьянам после польского восстания 1864 г. Хотя революционное польское правительство декретом 10 января 1863 г. и признало необходимость наделения крестьян землею, но оно меньше всего думало об этом. Польское революционное правительство, по словам П. Кропоткина, „могло выработать лучшие и более определенные законы о крепостных. Но ничего подобного не было сделано. Верх одержала партия чисто националистическая и шляхетская, и великий вопрос об освобождении холопов был отодвинут на задний план. Вследствие этого русскому правительству открылась возможность заручиться расположением польских крестьян против революционеров

Оно широко воспользовалось этой ошибкой. Александр II послал Н. Милютина в Польшу с полномочием освободить крестьян по тому плану, который последний думал осуществить в России, не считаясь с тем, разорит ли такое освобождение помещиков или нет“. (П. Кропоткин. „Записки революционера“, изд. 1918 г., стр. 136).

Это отношение царской власти к земельному вопросу в Польше объясняет и попустительство цензуры: выводить злодеем польского помещика можно было беспрепятственно. Но не может быть никакого сомнения в том, что для самого Некрасова „пан Глуховский“ был обобщающей фигурой, т. е. представителем помещичьей власти вообще, без национального различия.

В примечаниях к поэме К. Чуковский приводит стихи из черновых рукописей поэта. Здесь устанавливается прошлая связь разбойника Кудеяра с деревней:

Было во время далекое,
Жил человек удалой:
Маялся, маялся с пашнею
Он и ударил в разбой.

„После похвальбы пана Глуховского, что в мире он чтит только женщину, золото, честь и вино, в черновом автографе было:

Им поклоняйся, старинушка,
Им поклоняйся и славь,
Каяться черни несмысленной
И дуракам предоставь!“.

(К. Чуковский, примечание к 6-му изд., стр. 587).

Легенда о двух великих грешниках принадлежит к категории так называемых „странствующих сюжетов“. Исследователь сюжетов о великом грешнике, Н. Андреев, устанавливает 53 варианта народно-творческого характера за исключением еще двух вариантов характера литературного. Эти варианты, как устанавливает Н. Андреев, можно разделить на пять различных ре-

дакций. Наиболее близка к Некрасову редакция, где виновной является „панщина“. Так, например, „разбойник, появившись, должен носить на себе суму с камнями (и т. п.) до тех пор, пока сума эта не упадет с него сама собою; он убивает приказчика, который колотит палкой по могилам, созывая мертвецов на панихиду; сума падает“ (Н. Андреев, „Легенда о двух великих грешниках“, Известия Ленинградского Гос. Пед. Института имени Герцена, изд. 1928 г., вып. I, стр. 191). Эта редакция представлена тремя украинскими вариантами.

Но в общем данная легенда у Некрасова получает самостоятельное сюжетное оформление. Это и соответствует тому выводу, к которому пришел указанный исследователь на основании изучения обширного материала на многих языках. „Различная социальная среда, используя традиционный международный материал, придает ему своеобразный характер в каждом отдельном случае; особенно легко такое изменение проникает, конечно, в такие рассказы, которые по самому характеру своему являются социально-актуальными, ставят ту или иную общественную проблему; к числу таких рассказов и относится изучаемая легенда“ (Н. Андреев — „Легенда о двух великих грешниках“, там же, стр. 197).

Всю историю о двух великих грешниках Некрасов ведет от имени старца Ионушки и придает ей религиозную окраску. Это—защитный прием, с помощью которого поэт утверждает моральное право крестьянства на восстание против помещичьего класса. Этим же религиозным колоритом, как приемом, пользуется и Салтыков-Щедрин в сказке „Христова ночь“, выступая обличителем политического предательства и предсказывая будущую революцию, или в „Рождественной сказке“ с помощью замаскированной проповеди сельского священника, утверждая конечную и неизбежную гибель царского деспотизма.

Глава III.

И старое, и новое.

Заметил Влас: «Ой, господи!
Велик дворянский грех!
—Велик, а все не быть ему
Против греха крестьянского.

Далее идет история „крестьянского греха" старосты Глеба, который после смерти барина скрыл от крестьян его завещание об освобождении восьми тысяч крестьян— сжег его. Это вставное стихотворение „Крестьянский грех" призвано сказать о том, кто всех грешней. Грех старосты Глеба больше, чем даже грехи помещика Глуховского. Черновой автограф „Крестьянского греха", приводимый К. Чуковским, ничего не меняет по существу — замысел поэта остается тот же. Но Некрасов, согласно автографам, имел в виду в каком-то плане сказать и другое: „кто всех святей". И, вероятно, самым святым оказался бы Кудеяр, уничтоживший тирана-помещика. К. Чуковский делает предположение, что из цензурных соображений Некрасов затушевал эту внутренюю связь обеих песен, но это не исключает и того сопоставления греха Глеба и греха помещика, которое отчетливо дано Некрасовым в приводимых нами четырех строках.

Остались вахлаки,
Досыта не едавшие,
Несолоно хлебавшие,
Которых вместо барина
Драть будет волостной.

Вскоре после падения крепостного права, 17 апреля 1863 г. были отменены телесные наказания по приговорам общих судов, но розги остались по приговору суда крестьянского, волостного. Тринадцать лет спустя после написания этой главы Некрасовым, когда были введены

земские начальники, дело в этом отношении еще более ухудшилось. „Земские начальники имели полную возможность подвергать не только аресту, но и телесному наказанию, не вмешиваясь в дело непосредственно, через волостной суд, прямо им подчиненный: ст. 62 предоставляла земскому начальнику право налагать на волостной суд дисциплинарные взыскания — не исполнить требование земского волостной суд никогда не посмел бы“ (М. Покровский, „Русская история“, т. IV, изд. 1922 г., стр. 233).

К которым голод стукнулся,
Грозит: засуха долгая.
А тут еще жучок.

„Жучок“, или как его называют „кузька“—вредное насекомое; в годы сильного своего размножения наносит громадный вред посевам.

Коли всем миром велено:
Бей!—стало есть за что!—
Прикрикнул Влас на странников:—
Не ветрогоны пшековцы!
Давно ли там десятого
Пороли?...Ой, Егор!...
Ай, служба—должность подлая!
Гнус человек!—Не бить его,
Так уж кого и бить?
Не нам одним наказано:
От Пшеково по Волге-то
Тут деревень четырнадцать:
Чай, через все четырнадцать
Прогнали, как сквозь строй!

Этот эпизод избиения крестьянами шпиона имеется в первоначальной записи поэта. В бумагах Некрасова сохранились такие строки: „Мне рассказывали о крестьянине-шпионе, который возбудил подозрение в мужиках тем, что ничего не делая, одевался щеголем и всегда имел деньги—вот они и добрались откуда... И сообра-

зив, что это за птица, заманили его в лес и избили. Мужик-шпион убрался из своей деревни, но всюду, где он ни появлялся, его били по наказу. Помнится, что история эта кончилась трагически". Эта запись поэта, хранящаяся теперь в Институте новой русской литературы Академии Наук, опубликована уже давно (В. Чешихин-Ветринский. Некрасов, изд. 1911 г.).

Впоследствии сестра Некрасова в письме к С. Пономареву от 13 декабря 1878 г. сообщила, что поэт слышал этот рассказ в 1874 г. в селе Карабихе, Ярославской губ., от исправника или акцизного чиновника.

Высоко на возу
Сидит солдат Овсянников,
Верст на двадцать в окружности
Знакомый мужикам.
И рядом с ним Устиньюшка,
Сироточка-племянница,
Поддержка старика.
Райком кормился дедушка,
Москву да Кремль показывал;
Вдруг инструмент испортился,
А капиталу нет!

Раек—небольшая переносная панорама в виде ящика, с задней стороны возвышение. Здесь находятся картинки на самые разнообразные темы. В передней стенке ящика сделаны круглые отверстия с увеличительными стеклышками, через которые смотрят зрители. Первоначально из такого ящика показывали „райское действо"—жалостную комедию об Адаме и Еве, но затем „райское действо" исчезло и заменено было другими картинами, а название „раек" осталось. Показывание картин сопровождается толкованиями в виде прибауток, по большей части юмористического характера. Эти прибаутки давались в виде рифмованной речи (вроде—„думал попасть за границу, а попал в Обуховскую больницу").

„Чай, по чугунке тронешься?“
Служивый посвистал:
— Не долго послужила ты
Народу православному,
Чугунка бусурманская!
Была ты нам люба,
Как от Москвы до Питера
Возила за три рублика,
А коли семь-то рубликов
Платить, так черт с тобой!

Повышение железно-дорожного тарифа по московско-петербургской железной дороге связано с передачей этой дороги в 1868 году частному акционерному обществу, так называемому „Главному обществу российских железных дорог“, которое еще ранее этого начало свою деятельность с махинаций мошеннического характера. При передаче Николаевской дороги Главному обществу был поднят акционерами вопрос о размере пассажирского тарифа для проезда в 3-м классе. „В проекте будущих условий предполагалось предоставить будущим владельцам Николаевской дороги возвысить в течение 1868 и 1869 гг. означенный тариф (5 рублей за все пространство от Москвы до Петербурга) до 7 р. 50 к. Комитет министров нашел, что такая плата была бы обременительна для бедного класса, особенно для рабочих, и постановил ограничить ее 6 рублями, предоставив, однако, правительству впоследствии дать разрешение на доведение до ранее проектированного размера, установленного по образцу других наших рельсовых сообщений“ (Н. А. Кислинский. Наша железнодорожная политика по документам архивов комитета министров, изд. 1902 г., т. I, стр. 319).

Таким образом даже из этого сообщения официального историка видно, что лицемерно повздыхав об обременительности повышенного тарифа для бедняков, комитет министров разрешил, в конечном счете, довести плату до 7 р. 50 к.

Правда, известный экономист того времени А. Чупров, беря период до 1870 г., т. е. когда плата поднялась еще до 6 рублей, говорит: „на Николаевской дороге с той поры, как она поступила в руки Главного общества, провозная плата, составлявшая некогда 4 р. за все расстояние, поднялась до 6 рублей, т. е. на целых 50%, а между тем число пассажиров за пять лет 1866—1870 г. не только не уменьшилось, но даже увеличилось с 2310 чел. на версту в 1866 г. до 2480 чел. в 1870 г. (А. Чупров, „Железнодорожное хозяйство“, изд. 1875 г., стр. 253).

Но в поэме Некрасова говорится не о тех пассажирах, на которых строит свои вычисления экономист Чупров, а на других—бедняках, не имеющих денег для повышенного тарифа. Помимо вышеуказанного нами места в поэме на этот счет есть еще строки в агитационной речи Клима, которая идет после „Солдатской“.

Ему бы в Питер надобно
До комитета раненых,
Пеш до Москвы дотянется,
А дальше как? Чугункою?
Кусаться начала!

Об этой ущербленности интересов наиболее неимущих говорит статья „Оглянемся назад“, напечатанная в „Отечественных Записках“ без подписи и принадлежащая известному публицисту-семидесятнику Берви-Флеровскому. В этой статье, говоря о своекорыстных интересах, которые преследуют железнодорожные заправилы на своих съездах, автор обращает внимание на положение наиболее обездоленных крестьян и рабочих: „Явились в свет чудовищные провозные тарифы, которые постепенно возвышались в то время, когда они должны были понижаться; для перемещающегося по железным дорогам населения они сделались невыносимым гнетом, народ во множестве идет пешком, вместо того, чтобы платить непомерные тарифы“ („Отечественные Записки“, 1876 г., кн. 5, стр. 143).

Солдатская.

Тошен свет,
Правды нет,
Жизнь тошна,
Боль сильна.
Пули немецкие,
Пули турецкие,
Пули французские,
Палочки русские, и т. д.

„Солдатская“ потом сочетается с обличительно-агитационной речью Клима; она ясно дает понять о севастопольской войне и николаевской солдатчине. Об этой особенно тяжелой войне Некрасов говорит еще в 1857 г. в поэме „Тишина“. В издании Некрасова под редакцией К. Чуковского восстановлена в подлинном виде одна строка, которая в тексте, опубликованном в 1908 г. („Русское Слово“, 1 февраля) была напечатана не совсем правильно—„Ну-т-ка, служивенький, по-миру, по-миру!“ между тем как у Некрасова в подлиннике более уничтожающе: „Ну-т-ка, с Георгием, по-миру, по-миру“ (Полное собрание стихотворений Н. Аф. Некрасова, 1931 г., изд. 6-е, под редакцией К. Чуковского, стр. 345). Как мы уже говорили, цензура, разрешив три с половиной года спустя после смерти Некрасова, опубликование четвертой части поэмы, все же запретила несколько мест из этой части, в том числе и „Солдатскую“. Тем более эта „Солдатская“, вскрывающая жалкое положение севастопольского солдата-инвалида, получившего за храбрость орден Георгия, не могла появиться при жизни Некрасова: в обстановке 1876 г., т. е. кануна русско-турецкой войны, эта „Солдатская“ прозвучала бы, как яркое обличение царской власти и дворянско-буржуазной печати, лицемерно взывавшей к общенациональному подъему.

Глава IV.

Доброе время—добрые песни.

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего! и т. д.

Текст этого вставного стихотворения в старых дореволюционных изданиях прерывался словами: „Славься, народу давший свободу!“ В настоящее время, начиная с издания 1927 г., эти строки редактором устранены, ибо теперь окончательно выяснилось, что только в угоду цензуре Некрасов вставил эти слова. В библиотеке Института новой русской литературы Академии Наук имеется корректурный оттиск четвертой части поэмы без этих двух строк, восхваляющих Александра II. Подробно об этом—в первом отделе данной книги.

Средь мира дольного
Для сердца вольного
Есть два пути:
Взвесь силу гордую,
Взвесь волю гордую,
Каким итти. И т. д.

В той редакции этого стихотворения, которая обычно давалась в дореволюционных изданиях, оно принимало расплывчато-гуманитарный характер. В нем нехватало, например, таких строк:

Другая—тесная,
Дорога честная,
По ней идут
Лишь души сильные,
Любвеобильные,
На бой, на труд.

По целому ряду данных можно определенно сказать, что Некрасов часто менял редакции стихотворений, подчиняясь внешней необходимости. Так обстоит дело,

например, с одной строкой в стихотворении „Песня Еремушки“. Некрасов часто должен был учитывать строгость цензуры, особенно по отношению к нему. Недаром в стихотворении „Как празднуют трусу“ поэт говорит: „Мысль убивающий страх, не перейти бы границ осторожности—голову держит в тисках“.

Эти два пути, о которых говорит Некрасов в данном стихотворении, со всей определенностью ощущал предшественник революционеров-семидесятников В. Г. Белинский. Уже в первой статье своей „Литературные мечтания“—такой еще идеологически незрелой—гениальный критик намечает возможные два пути для обездоленного разночинца.

„Итак, вот эти две дороги, два неизбежные пути: отрекись от себя, подави свой эгоизм, поправ ногами свое своекорыстное я, дыши для счастья других, жертвуй всем для блага ближнего, родины, для пользы человечества, любя истину и благо не для награды, но для истины и блага... Что? ты не решаешься? Этот подвиг тебя страшит, кажется тебе не по силам?... Ну, так вот тебе другой путь, он шире, спокойнее, легче: люби самого себя больше всего на свете; не бойся зла, когда оно принесет тебе пользу... гни свой хребет... Весела и блестяща будет жизнь твоя; ты не узнаешь, что такое холод и голод, что такое угнетение и оскорбление“. (В. Белинский, сочин., изд. Павленкова, т. I, стр. 56).

Как верный ученик Белинского, Некрасов не мог забыть этих строк. Недаром эта тема с такой отчетливостью развита поэтом еще в 1858 г.—в стихотворении „Песня Еремушки“.

И ангел милосердия
Не даром песнь призывную
Поет над русским юношей—
Не мало Русь уж выслала
Сынов своих, отмеченных
Печатью дара божьего,
На честные пути.

Как ни темна вахлачина,
Как ни забита барщиной
И рабством — а она
Благословясь поставила
В Григорье Добросклонове
Такого посланца.
Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь.

Эти строки, за исключением последних четырех, были опубликованы в газете „Русское Слово“ в 1908 г., а полный текст вместе с последними строками, предрекающими трагическую гибель Добросклонова, появился лишь в пореволюционном издании 1920 г. Идеологический смысл этого отрывка ясен: революционеры-разночинцы 70-х годов выступают как выразители интересов крестьянской трудовой демократии.

При создании образа семинариста Гриши перед Некрасовым витал образ его друга—рано умершего критика Добролюбова. Поэтому же Некрасов называет Гришу Добросклоновым. Правда, литературная деятельность рано умершего Добролюбова относится к началу 60-х годов (1857—1861 г.), в то время как в поэме дело идет о революционерах-семидесятниках. Но для Некрасова было ясно, что социально-политические взгляды одаренного критика, а также его умонастроение, было весьма родственным революционной молодежи 70-х годов. Недаром типичная семидесятница В. И. Засулич в свое время о Добролюбове писала, что „критик пережил себя на целых два десятилетия“. С достаточной ясностью В. И. Засулич утверждает: „Мы говорим не о значении Добролюбова, как одного из наших классиков, знакомство с которым необходимо для нашего общественного развития: трудно представить себе такое время, когда он потерял бы значение. Но для сменявшихся рядов той части молодежи 60-х годов и в особенности 70-х годов, кото-

рая в произведениях любимых писателей искала ответы на важнейшие вопросы: что делать, как жить, чтобы приносить пользу большинству своих соотечественников, статьи Добролюбова и именно статьи 60-х годов имели совсем иное жизненное значение“ (В. Засулич, т. II, изд. 1907 г., стр. 260).

Эта статья В. Засулич была первоначально напечатана в подцензурном журнале „Научное Обозрение“ за 1900 г., а потому писательница-революционерка говорит в ней эзоповским языком. Но в другой статье о Добролюбове, появившейся в нелегальной „Искре“ 1901 г. В. Засулич пишет уже более определенно. „Ближайшая задача, которую возлагает Добролюбов на подрастающее поколение, была помощь народному восстанию, в близость которого он глубоко верил“ (В. Засулич, т. II, стр. 308).

Ушел к реке, купается;
Три дня тому сгоревшего
Обугленного города
Картина перед ним;
Ни дома уцелевшего,
Одна тюрьма спасенная,
Недавно побеленная,
Как белая коровушка
На выгоне, стоит.
Начальство там попряталось,
А жители под берегом,
Как войско, стали лагерем. И т. д.

В своих примечаниях к Некрасову К. Чуковский говорит, что „в этих строках—отголосок недавнего пожара, истребившего (25 мая 1875 г.) целый город Моршанск, сгорело в самом городе 633 лучших дома, составляющие центр и торговую часть города, а в слободке 428 домов, итого 1061 дом. Уцелели одни окраины, не более 100 домов. Большая часть арестантов уже переведена в остроги смежных уездов“ („Голос“, 1875 г., № 150).

Но это указание К. Чуковского на город Моршанск является случайным и неубедительным. У Некрасова говорится о спасенной тюрьме, куда попряталось начальство, в Моршанске же острог сгорел, а потому для городского и уездного полицейского управления, а равно для больницы и аптеки, приисканы новые „помещения“, а вовсе не сгоревший острог („Голос“, 1875 г., № 150). Моршанск — Тамбовской г. на реке Цне, а в поэме Некрасова говорится о сгоревшем городе, который находится на берегу Волги:

На сонной Волге медленно
Плоты с дровами тянутся... и т. д.

Таким образом Некрасов в данном случае имеет в виду не Моршанск, а другой город, где все указанные в поэме приметы на лицо. В поэме несомненно изображен Симбирск, который значительно раньше, в 1864 г. сделался жертвой большого пожара. Об этом пожаре упоминается даже в VI томе „России“ (географическое описание под редакцией Семенова): „В 1864 г. Симбирск постигло страшное бедствие: огромным пожаром, продолжавшимся 9 дней кряду (с 13 по 21 августа) уничтожено почти ¾ города; сгорело 12 церквей, Спасский монастырь, 30 казенных и общественных зданий, каменный гостиный двор, ярмарочные ряды и 1.480 частных домов“ и т. д. („Россия“, т. VI, „Среднее и нижнее Поволжье“, изд. 1901 г., стр. 391).

Об этом симбирском пожаре были помещены в 1864 г. обширные корреспонденции в „Московских Ведомостях“ и в „Голосе“, перепечатанные в „СПБ. Ведомостях“, 1864 г., 6 сент., № 197. Корреспондент „Московских Ведомостей“ пишет: „Не существует более холодного собора, построенного на обширной площади в память войны 1812 г.; дом дворянского собрания, где помещался дворянский клуб с великолепной бальной залой, дворянское депутатское собрание и карамзинская библиотека;

нет и губернаторского дома. Все означенные строения и еще Вознесенский собор, весь женский монастырь, большой корпус присутственных мест с казначейством, городская дума, полиция, гимназия, дворянский пансион, большой дом почтовой конторы, семинария“ и т. д. сгорели. По словам корреспондента „уцелело едва ли более десятой части города“. Но осталось, между прочим, как раз то, о чем говорится в поэме—острог, арестантские роты и еще часть зданий, находящихся на окраине: Александровская больница и друг. В газете „Голос“ имеются сведения дополнительного характера, опять-таки совпадающие с картиной, данной в поэме: „Погорельцы расположились в настоящее время в поле, по берегам Волги и Свияги и на саратовском выезде, около больниц и чугунного завода“. Кроме того, корреспондент „Голоса“ говорит о том, что очень многие обыватели и купцы вывезли свое имущество на Карамзинскую и Соборную площади. Отсюда уже делается вероятной и та возможность, о которой говорится в поэме: за отсутствием других зданий начальство могло временно расположиться в остроге, т. е. в „спасенной тюрьме“. Эта печальная для властей необходимость дает возможность Некрасову едко подшутить над неожиданной ситуацией. Устами Клима поэт в указанной нами выше „Солдатской“ говорит:

Какое в нашем городе
Начальство? Поделом его
Пожар загнал в острог!

То обстоятельство, что Некрасов берет симбирский пожар, происшедший за двенадцать лет до написания этой части поэмы, нисколько не является неожиданным, ибо поэма создавалась на основе общего комплекса впечатлений от пореформенного пятнадцатилетия. Именно потому и образ Григория Добросклонова, как мы говорили, создан поэтом под неизгладимыми для него воспоминаниями об умершем (за 2½ года до симбирского

пожара) человеке большой моральной высоты—глубоко одаренном критике-публицисте Добролюбове.

Бурлак.

Плечами, грудью и спиной
Тянул он баржу бичевой,
Полдневный зной его палил,
И пот с него ручьями лил. И т. д.

Труд бурлака и его тяжелая доля увековечены Некрасовым в „Размышлении у парадного подъезда“ и в поэме „На Волге“. В поэме „Кому на Руси“ поэт не мог пройти мимо бурлака, ибо эта поэма, по правильному замечанию П. Н. Сакулина, „задумана, как завершение, как синтез всего творчества Некрасова“. Один из черновых набросков к предполагаемой главе „Смертушка“ говорит о бурлаках: „Подготовка для сиб[ирской] язвы—голод; тогда и на людях: весной тифы от недост[атка] пищи; лихорадка при разлитии вод. В Белозерье бурлаки приходят на заработки; работы нет... застой судов, ждут, мрут массами; подождав, отправляются с тифом в Арх [ангельскую] губер[нию] обратно. Идут больных целые партии, изнурены: далеко ли? Верст 40...“ „На баржах 3-4 креста: покойник. Везут до первого погоста...“ (Цит. по примеч. К. Чуковского, соч. Некрасова, изд. 6-е, 1931 г., стр. 583).

Русь.

Во всех прежних, дореволюционных изданиях „Русь“ начиналась словами:

Битву кровавую
С сильной державою
Царь замышлял.
Хватит ли силушки?
Хватит ли золота?
Думал, гадал.

По этому поводу М. Ольминский, в 1926 г., писал: „В стихотворении „Русь“ был добавлен куплет о царе, замышлявшем войну и считавшем свои силы. Вместо гимна силе народной (демократической) получился гимн царской власти. В издании под редакцией Чуковского этот куплет выброшен. Но нет указания на то, кем же именно он был вставлен, если не Некрасовым? Цензором?“ (М. Ольминский, „Исправленный Некрасов“, „На лит. посту“, 1926 г., кн. 7—8, стр. 66).

Вопрос этот и до сих пор остается без ответа. Для того, чтобы подойти к его решению, надо обратиться к истории. Когда Некрасов в 1876 г. заканчивал эту часть поэмы, был канун русско-турецкой войны и происходили большие события на Балканах. Резня в Боснии и Герцеговине, устроенная турецким правительством, вызвала возмущение. Движение на защиту славян охватило не только таких искренних, демократически настроенных писателей, как В. М. Гаршин, но и некоторых революционеров: М. Сажин, Степняк-Кравчинский и другие были охвачены этим настроением. Тогда многие закрывали глаза на то, что царское правительство преследует в этой войне свои эгоистические цели. Правда, были и голоса противников „славянского дела“, и среди них такой видный социалист-мыслитель, как П. Л. Лавров, выступивший в заграничном журнале „Вперед“ с программой интернационально-революционной.

Противником движения среди русских энтузиастов „славянского дела“ был и К. Маркс. Он не питал, конечно, никакой нежности к турецкому правительству, но полагал, что поражение России—лучший исход для дела международной революции. В письме к Зорге по поводу увлечения русских славянскими делами, К. Маркс 7 сентября 1877 г. писал: „Глупости, которые делают теперь русские студенты, только симптом и сами по себе никакой цены не имеют. Но все же это симптом. Все слои русского общества находятся теперь в состоянии

экономического, морального и интеллектуального разложения" (К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, изд. „Московский Рабочий", 1923 г., стр. 236).

К. Маркс правильно отметил всю никчемность увлечения славянской идеей, но его слова о всеобщем моральном разложении нужно понимать условно. Конечно, мерзкие подвиги русских „добровольцев", о которых потом с такой иронией писал Гл. Успенский, давали К. Марксу убийственный материал о деятельности „освободителей". Но среди увлекавшихся, хотя и ошибочно, славянской идеей были и такие замечательные люди, как погибший потом на эшафоте А. И. Желябов.

Чтобы со всей основательностью вырешить вопрос об отношении Некрасова к „славянскому делу", нам придется остановиться на некоторых материалах как прямого, так и косвенного характера.

В сохранившемся оттиске части поэмы „Пир на весь мир"—оттиске из „Отечественных Записок" 1876 г., сделанном еще при жизни Некрасова, когда поэт мечтал увидеть эту часть в печати,—нет слов „Славься, народу давший свободу", как нет и начальных строк из стих. „Русь" („Битву кровавую"). С этими начальными строками „Русь" появилась в изд. 1881 г. Предположим, что Некрасов эти пять строк вставил в рукопись сам еще ранее, дабы спасти всю часть поэмы от цензурного натиска. Но сделал ли он это с явным искажением смысла стихотворения „Русь", или же эта вставка не мешала ему рассматривать движение в защиту южных славян, как исходный пункт для пробуждения уже революционной активности народных масс? Для того, чтобы решить этот вопрос, мы должны отрешиться от довольно странной манеры заниматься идеологической лакировкой литературно-художественных памятников прошлого, ибо от такого занятия проигрывает только историко-литературная истина.

В 1876 г. славянофильствующими писателями — А. Майковым, И. Аксаковым, Ф. Достоевским, Ламанским, Страховым и др. был выпущен сборник под названием „Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины“. В предисловии к этому сборнику составители пишут: „Если читатели не встретят в сборнике некоторых уважаемых имен, то виною этому краткость срока, назначенного для составления и печатания сборника“. Некрасов не сочувствовал идеям славянофилов, но оставаясь на позиции издаваемого им радикально-народнического журнала „Отечественные Записки“, он счел необходимым откликнуться на этот призыв и поместил в данном сборнике стихотворение „Страшный год“. Это стихотворение имеет дату 1870 г., но К. Чуковский утверждает, что эта дата фиктивная и что стихотворение написано в 1874 г. Не будем сейчас оспаривать этого утверждения, а остановимся на той возможности, что стихотворнее действительно написано не в 1870 г., а в пределах между этим и 1874 г. Перейдем к содержанию стихотворения.

Страшный год! Газетное витийство,
И резня, проклятая резня!
Впечатленья крови и убийства,
Вы в конец измучили меня!
О, любовь!—где все твои усилья?
Разум!—где плоды твоих трудов?
Жадный пир злодейства и насилья,
Торжество картечи и штыков!
Этот год готовит и для внуков
Семена раздоров и войны.
В мире нет святых и кротких звуков,
Нет любви, свободы, тишины!
Где вражда, где трусость роковая,
Мстящая—купаются в крови...
И т. д.

Если отвергнуть дату 1870 г. и взять сравнительно позднюю, то можно предположить, что здесь говорится не о франко-прусской войне 1870 г., а о поражении

Коммуны в мае 1871 г., ибо по смыслу стихотворения видно, что дело идет о какой-то сильной стороне, карающей обессиленного врага („Жадный пир злодейства и насилья, торжество картечи и штыков". . . . „трусость роковая, мстящая — купается в крови"). Быть может, этим объясняется то обстоятельство, что некоторые строки из „Страшного года" оказались на том же черновом листке 1874 г., где помещено стихотворение „Смолкли честные, доблестно павшие", говорящее также о злодействе и насилии, но уже против русских революционеров со стороны царской власти.

Когда началась резня в Боснии и Герцеговине, Некрасов и переключил тему о насилии и злодействе в сторону защиты южных славян. Правда, К. Чуковский дает такую версию: стихотворение „Страшный год" надо понимать, как протест против „освободительной войны", напечатанный с „замечательной смелостью" в том же сборнике, который сокрушался о братьях-славянах". Но, во-первых, по всему своему смысловому содержанию это стихотворение не может быть так понято не только составителями сборника, да и читателями того времени вообще, а во-вторых, когда К. Чуковский говорит, что это стихотворение — „протест против надвигавшейся войны за освобождение славян", то он в угоду своей надуманной схеме наделяет Некрасова и мистическим даром предвидения еще не происшедших событий. В самом деле, согласимся с предположением К. Чуковского, что стихотворение „Страшный год" написано в 1874 г.. Каким же образом Некрасов мог говорить о надвигавшейся войне, когда события в Боснии и Герцеговине, приведшие потом к русско-турецкой войне, начались весною 1875 г.? Повторяем, мы можем быть противниками „освободительной войны" за славян, но не должны для этого искажать факты.

Но это еще не все. В конце 1877 г. Некрасов пишет стихотворение, напечатанное уже после его смерти,

начинающееся словами „Великое чувство! у каждых дверей“ (стр. 364, изд. 6-е). Редакция „Отечественных Записок“, поместившая это стихотворение в кн. 4 за 1878 г., выпустила последние пять строк. К. Чуковский их восстанавливает, в данном случае вполне основательно полагая, что у нас нет доказательств, что пятистишие выброшено Некрасовым. Что же мы имеем в этом стихотворении? В начале так же, как и в стихотворении „Осень“, написанном в начале ноября 1877 г., здесь говорится об убитых и раненых — несчастных жертвах войны. Но стихотворение „Великое чувство“, написанное 28 ноября (день взятия русскими войсками Плевны), имеет такое окончание:

Так запой, о поэт, чтобы всем матерям
На Руси на святой, по глухим деревням,
Было слышно, что враг сокрушен, полонен,
А твой сын невредим и победа за ним,
Не велит унывать, посылает поклон . . . .

Для нас идеологически неприемлема эта патриотическая тирада Некрасова, но что поделать — она остается литературным фактом. Как же К. Чуковский комментирует это стихотворение? По поводу начала его он говорит, что Некрасов, как и прежде, вспомнил раньше всего осиротелых матерей, которые тоскуют о своих детях в глухих деревнях, и дал, таким образом, новую версию знаменитого стихотворения „Внимая ужасам войны“. Это, конечно, правильно. Возможно, что Некрасов мог вспомнить и о матерях революционных бойцов. Но как же все-таки дело обстоит с этим пятистишием о „сокрушенном враге“?

К величайшему удивлению. на этот счет у К. Чуковского такой комментарий, который упраздняет всю построенную им ранее схему. На стр. 595, изд. 6-е, читаем: „Дата стихотворения—28 ноября 1877 г.—вполне объясняет восклицание Некрасова о „сокрушенном и полоненном“ враге. Именно в ту пору началась полоса

русских военных „удач“: 6-го ноября пал Карс, 28-го ноября пала Плевна и был взят в плен Осман-паша. В тогдашних русских газетах эти события были встречены шумной радостью: „Карс пал! Честь и слава русскому солдату“ („Голос“, 1877 г., № 269).

И то обстоятельство, что слово „удача“ поставлено К. Чуковским в иронические ковычки, нисколько не может затемнить ясности стихотворения: Некрасов говорит о „сокрушенном враге“, как о факте для него положительном, а не является простым регистратором событий.

В общем итоге необходимо придти к выводу, что во всяком случае взгляд Некрасова на „славянский вопрос“ в 1876 г. (год выхода четвертой части „Кому на Руси“) не отличался от взгляда „Отечественных Записок“, т. е. издаваемого им совместно с Салтыковым журнала. Правда, что касается Салтыкова, то он по отношению к славянскому вопросу был настроен скептически. В кн. 8 „Отечественных Записок“ за 1876 г. была напечатана статья Д. Мордовцева (без подписи) — „На всенародную свечу“, которая призывала к сбору пожертвований в пользу борющихся с турками южных славян. По поводу этой статьи Салтыков в письме к Некрасову (4 августа 1876 г.) писал: „Отечественные Записки“ встали на покатость очень значительную и делаются журналом, в котором чувствуется, если не преобладание, то очень значительное присутствие трихин. По крайней мере Боборыкин и Мордовцев принадлежат к числу оных“ (Салтыков, Письма. Гос. Изд., 1925 г., стр. 141). Но, упоминая о Мордовцове, Салтыков не говорит о точке зрения редколлегии журнала „Отечеств. Запис.“ в целом. А между тем, один из членов этой редколлегии, Г. З. Елисеев поместил две статьи по славянскому вопросу под названием „Воевать или не воевать“: одну — в книге 6-й 1876 г., а другую — в кн. 9-й. В первой статье Г. Елисеев пишет: „Война за

освобождение славян от турецкого ига будет в полном смысле народною войною в России. И, что бы ни делала Европа, какие бы меры она ни употребляла, чтобы устранить эту войну, но, если она не отнесется к освобождению славян с той же искренностью, с какой относится к этому вопросу русский народ, если она не постарается снять с них чужеземный гнет, вполне обеспечить для славян их веру, язык, национальность, — война будет неизбежна“ („От. Зап.“, 1876 г., кн. 6, стр. 363). В этой статье Елисеев готов даже на бесшабашную отчаянность, когда заявляет: „Коалиция европейских держав нас непременно побьет, но если мы решимся, не щадя живота, на войну отчаянную, на войну на жизнь и смерть, какую ведут теперь герцеговинцы, то нас не одолеет никакая коалиция“ („Отеч. Зап.“, 1876 г., кн. 6-я, стр. 372).

Салтыков в другом письме к Некрасову (13 октября 1876 г.) говорит о славянском вопросе вообще: „Мое личное мнение, что вопрос этот для России не полезен“. Салтыков указывает на то, что националистическая шумиха дает возможность царской власти проводить свои реакционные мероприятия. Салтыкова радуют те признаки некоторого отрезвления, которые он находит в частности и в статье Драгоманова — поборника славянского дела (газ. „Молва“, 1876 г., № 41, 10 окт.). И далее писатель говорит: „В будущем № „Отечественных Записок“ в статьях Елисеева и Михайловского ставится вопрос тоже на умеренную точку зрения“ (Салтыков, Письма, Гос. Изд., 1925 г., стр. 149).

Но что же представляет собой эта умеренная точка зрения, которая отчасти примирила Салтыкова с редакцией „Отечественных Записок“ в целом? В своей второй статье „Воевать или не воевать“ („Отечеств. Запис.“, 1876 г., кн. 9), Елисеев, хотя и пишет в более сдержанном тоне, но по существу говорит то же самое. Он считает, что самым лучшим исходом было бы согла-

сие „великих держав“ и их вмешательство в серботурецкую распрю. Но если этого не произойдет, тогда Россия, по мнению Елисеева, начнет одна борьбу за свободу славян, „напутствуемая благословением всех народов Европы, и, несомненно, выйдет из борьбы победительницею“ („Отеч. Зап.“, 1876 г., кн. 9, стр. 92).

Эта вторая статья Елисеева заканчивается такими словами: Россия „должна прямо и твердо заявить другим державам, что, если дипломатия не устроит автономии балканских славян, то она одна обязана будет исполнить по отношению к славянам свой долг, а отклонить его от себя под предлогом тех или других возможных последствий она даже не имеет права“ („От. Зап.“, 1876 г., кн. 9, стр. 97).

Теперь обратимся к статье Н. Михайловского, на которую также ссылается Салтыков, как на „умеренную“. В статье Н. Михайловского („Отеч. Зап.“, 1876, кн. 10, „Записки профана“, стр. 230—250) есть целый ряд важных оговорок. Михайловский говорит о том, что „патриотическое настроение“ охватило Россию „в гораздо меньшей степени, чем кажется и чем вообще думают“, но критик-публицист также не является принципиальным противником помощи восставшим славянам. Н. Михайловский отчетливо оттеняет, в отличие от Елисеева, ту мысль, что интересы царской власти и интересы ее противников не одно и то же, но, говорит он, „мы можем быть единодушны, несмотря на разнообразие исходных точек нашего сочувствия славянам“ („Отеч. Зап.“, 1876 г., кн. 10, стр. 238).

Такова была точка зрения на славянский вопрос радикально-народнического журнала „Отечественные Записки“. Мы можем в настоящее время давать совершенно иную оценку всем этим событиям далекого прошлого, можем сожалеть, что этот журнал в целом увлекся ошибочной, особенно в обстановке того времени, активной защитой южных славян, но из этого не сле-

дует, что при комментариях литературно-художественного памятника прошлого мы должны игнорировать всю сложную историю этого вопроса.

Но все-таки прав ли редактор пореволюционного издания Некрасова, выбросивший из стихотворения „Русь“ первые шесть строк („Битву кровавую с сильной державою царь замышлял“ и т. д.)? Без всякого сомнения, не только прав, но и обязан был это сделать. Не впадая в ложное толкование текста, можно утверждать, что для Некрасова славянское дело являлось лишь исходным пунктом для развернутой будущей революционной борьбы уже против „турка внутреннего“, т.-е. против царского режима. Народ почувствует свою силу, а

Сила с неправдою –
Не уживается.

В этом общественном подъеме, хотя и относительном, видел перспективы для будущего натиска на царское правительство и Н. Михайловский, когда в статье, одобренной Салтыковым, иносказательно писал: „Меня занимает необыкновенное возбуждение русского общества и народа и воспитательное значение, которое могут иметь для них настоящие события“ („Отеч. Зап.“), 1876 г., кн. 10, стр. 237).

То же и в стихотворении Некрасова „Русь“:

Рать подымается
Неисчислимая!
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Об этой несокрушимой силе возможного революционного подъема в указанной статье Н. Михайловский говорит эзоповским языком, т.-е. языком иносказательным, „буквой“ к царскому цензору, а „смыслом“ — к читателю: „Самоотвержение, преданность идее, исполнение раз сознанного долга, ненависть к гнету и насилию“ может „по окончании турецко-славянской распри отзываться

и на другие запросы жизни“ („Отеч. Записки“, 1876 г., кн. 10, стр. 238, или Н. Михайловский, соч., т. III, изд. 1909 г., „Записки профана“, стр. 841).

Будучи представителем мелко-буржуазной демократии 70-х годов, Некрасов в стихотворении „Русь“ выразил умонастроение той части этой демократии, которая группировалась вокруг издаваемых им „Отечественных Записок“.

Быть бы нашим странникам под родною крышею,
Если б знать могли они, что творилось с Гришею:
Слышал он в груди своей силы необъятные,
Услаждали слух его звуки благодатные,
Звуки лучезарные гимна благородного—
Пел он воплощение счастия народного!

В этих последних строках поэмы Некрасов дал намек на то, что Гриша, вступивший на путь борьбы за интересы крестьянской демократии, испытывает большой нравственный подъем. Таким образом, он и может быть тем счастливым человеком, которого ищут странники. Но вскоре после смерти Некрасова, Глеб Успенский огласил свою беседу с покойным поэтом (журнал „Пчела“, 1878 г., № 2). Из этого сообщения Глеба Успенского выходило, что счастливым Некрасов считал только „пьяного“. На основе этого сообщения Глеба Успенского, историк литературы Кранихфельд построил в своей статье о Некрасове целую теорию относительно счастливого пьяницы.

В. Евгеньеву-Максимову принадлежит опровержение этой легенды. Он приводит письмо одной сельской учительницы к Некрасову. Эта учительница нашла свое счастье в просветительной работе среди крестьянских ребят. В заключительной части этого письма есть такие строки: „В прошлом моем много горя, но я считаю его благом-счастьем, оно выучило меня жить, и без него я не знала бы наслаждений в жизни“ (В. Евгеньев-Максимов — Н. А. Некрасов. Сборник статей,

изд. 1914 г., стр. 189). В бумагах сестры Некрасова В. Евгеньев-Максимов нашел письмо Некрасова к этой учительнице, которое устраняет сообщение Гл. Успенского. Некрасов пишет: „Сегодня мне попалось под руку ваше письмо и я перечел его. Счастье, о котором вы говорите, составило бы предмет продолжения моей повести“.

В первых трех частях поэмы (ч. I, ч. II—„Крестьянка“ и ч. III — „Последыш“) вопрос о том, кто же является „счастливым“, остается открытым. Но в части четвертой— „Пир на весь мир“ — на этот вопрос Некрасов отвечает не случайно образом революционера Гриши. Эта часть закончена в конце 1876 г., когда еще знаменитое „хождение в народ“ молодых революционеров было в разгаре. Настроение этих революционеров-народников — выразителей интересов крестьянской демократии—было приподнятое. Идя в глубь деревень, они как бы решали вопрос и своего „счастья“. По словам С. Кравчинского, „люди стремились не только к достижению определенных практических целей, но вместе с тем к удовлетворению глубокой потребности личного нравственного очищения“ (С. Кравчинский, „Подпольная Россия“, изд. 1918 г., стр. 36).

Сельская учительница, пославшая Некрасову письмо, была для поэта интересной не сама по себе; она являлась для него как-бы частицей революционно-народнического потока, о котором в 1875 г. с беспокойством писал в своей большой секретной записке министр юстиции — граф Пален. Это движение в народ хотя и потерпело неудачу, но оно не прошло бесследно.

Поэзия Некрасова, как об этом засвидетельствовали революционеры прошлого — Н. Морозов, - П. Кропоткин, Г. Плеханов, Л. Дейч и другие — была действенной силой, способствовавшей накоплению гнева против угнетателей. Григорий Добросклонов — это не только

Добролюбов, это вместе с тем собирательный образ революционера-разночинца, которого Некрасов подает своему читателю в поэтическом ореоле. Но с другой стороны революционер-разночинец был тем „читателем-другом“, который стремился сделать стихи Некрасова общенародным достоянием. В этом отношении необходимо остановиться на воспоминаниях М. П. Орлова о революционере-народнике Н. Л. Зотове, казненном после трагической Якутской истории 1889 г. . Рассказывая о пребывании Н. Л. Зотова в гор. Пелыме Тобольской губ., М. П. Орлов, между прочим, сообщает: „Затем стали ходить добрые люди, чтобы провести хорошее время в праздник. Николай Львович угощал публику своим превосходным чтением Некрасова. Особенно нравилось „Кому на Руси жить хорошо“. Сейчас помню эффект слов: „Легко ли из питейного дозваться мужиков“. Взрослые мужчины повскакали из своих мест в диком восторге, повторяя некрасовский стих. Когда в августе почти все мужицкое население уехало косить сено (а сенокосы были километрах в 30 от села, вверх по течению реки Пелыма, и все время сенокоса мужчины проводили там, не возвращаясь в село), вдруг явилась к нам баба и отрапортовала, что она носила мужу провизию, и он прислал нам записку. На клочке махорочной бумаги какими-то бледно-желтыми чернилами, очень неразборчиво, было написано: Н. Л., пришлите, пожалуйста, Подтянутой губернии, страсть хочется почитать“. Мы полюбопытствовали узнать, какими чернилами и пером была написана записка. Оказалось, что мужик расцарапал себе ногу до крови и какою-то палочкой написал этой кровью свою просьбу“ („Каторга и ссылка“, 1929 г., кн. 8—9, стр. 264).

Это один из примеров того, как великий поэт крестьянской демократии, с помощью воспетых им революционеров-народников, проникал в толщу крестьянской массы.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Отдел I.

История появления поэмы. 3

Отдел II.

Комментарий к поэме

Первая часть . 12

Вторая часть .

„Крестьянка“ 64

Третья часть .

„Последыш“ 89

Четвертая часть. —

„Пир на весь мир“. . 97

Цена 2 руб.